

Василий ПЕШКОВ

*С радостью
Василий!*

Юлиан

МИР НА ЛАДОНИ

ПОДНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 21. Мир на ладони**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 21. Мир на ладони
/ В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда»,
2014 — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-904-1

В очередной том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова, кроме заметок рубрики «Окно в природу», вошли еще и путевые записки, сделанные во время путешествия по Восточной Африке.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-904-1

© Песков В. М., 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Предисловие	7
1998	9
«Польской петушок»	9
Волки просили хлеба	13
Свидания у окошка	16
Белые журавли	19
Лесной акробат	25
Агафья Лыкова долго будет жить	29
Опыт жизни	31
1999	35
Всякая всячина	38
Лесной сфинкс	41
Белый скиталец	45
Ритуал	49
Невелик, но опасен	52
Водой не разлить	55
Они еще держатся	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 21. Мир на ладони

1998-2002

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

*«Для человека не может быть дома лучшего, чем земля!
Важно только, чтобы моторный рев не заглушил окончательно
звуки сверчков и пение жаворонков. И чтобы в небе человеческий
глаз мог бы видеть не только белый след самолета, но и взмахи
живого крыла. Это не праздная мысль. Быстро летящее время
сильно меняет землю. Не так уж давно над маленьким городком
вот так, по-домашнему, мог пролетать аист, и каждую осень люди
слышали крик журавлей. Сегодня в Западной Европе аистов почти
не осталось. В небе скорее увидишь строй самолетов, чем вереницу
гусей. Сбережь землю – значит сбережь все, что живет рядом с нами.
Трудно? Да. Но необходимо».*

В. Песков

Предисловие

В 2000 году нарушилась (на один раз) великая традиция: Василий Михайлович Песков не написал очередное «Окно в природу». Но и причина была чудесная! Ему исполнилось 70 лет. Вообще Василий Михайлович не любил всякие интервью по своему поводу, но тут согласился. И Андрей Ванденко в пятничном приложении к «КП» – «толстушке» – напечатал целый разворот своего разговора с Василием Михайловичем. Он сохранился в старых подшивках. Все тут привести невозможно, места нет. Но давайте почитаем хоть некоторые ответы мэтра!

«Андрей Ванденко:

– Спасибо, Василий Михайлович, но по правилам не вы мне, а я вам подарки дарить должен.

Василий Песков:

– Брось ты, какие подарки! У меня все есть. Признаюсь, даже двенадцать топоров.

– Что за топоры?

– О, это целая история, ей уже много лет! Главный инженер Ижевского оружейного завода оказался моим давним почитателем и таким вот оригинальным способом решил благодарить меня за каждую новую книгу. Когда я получил первую пару топоров, то взмолился и попросил больше ничего не слать, а потом увидел, что получается забавная коллекция. Топоры ведь не обычные, а из специальной оружейной стали, с рисунками чернью. На одном топоре – кабан, на другом – медведь...

Подарки у меня есть самые разные. Например, собрание моих сочинений, опубликованных в... «Комсомольской правде». Нашлась женщина, которая собирала все заметки, написанные мною, начиная с самой первой. Набралось на три толстенных тома.

– Получается, вы сорок четыре года в «Комсомолке»?

– Выходит, так. Мне предлагали писать в самые разные газеты, звали на хорошие должности на телевидение, предлагали стать главным редактором журналов «Турист», «Вокруг света», но я от всего отказывался, понимая, что для меня нет места лучше «Комсомолки». И становиться начальником в мои планы не входило. Единственный раз согласился побыть заведующим отделом иллюстраций «Комсомолки», чтобы попасть в номенклатурные работники и получить в Москве прописку и жилье. Едва мне дали комнатку, я тут же попросил тогдашнего редактора газеты Алексея Аджубея перевести меня в репортеры. Так всю жизнь и пробыл разъездным, а затем специальным корреспондентом «КП». Исколесил нашу страну вдоль и поперек, старался видеть и понимать ее природу, животный мир.

– Но вы ведь писали и о другом, верно?

– Первым из журналистов попал на космодром в Байконур. А 12 апреля 61-го года первым сделал фотографии семьи Юрия Гагарина... И с Юрием Алексеевичем я буквально на следующий день познакомился, вместе с ним вернулся в Москву. Какой тогда был праздник по всей стране, никогда этого не забуду.

– А с кем-то из нынешних политиков, военачальников вам хотелось бы пообщаться, Василий Михайлович?

– Ни с кем. Я обдумывал для себя эту ситуацию и понял, что не должен влезать в передраги, в которые все сейчас втянулись. Главным своим занятием в газете я решил сделать тему природы.

– А правда, что у вас дома нет телевизора?

– И никогда не было. В свое время я купил их матери, дочке, а у себя этот ящик не держал и не держу... Он жрет много времени, отнимает силы, нервы, а пользы

почти ноль. Все очень поверхностно, сиюминутно. И это не то, чтобы вина телевидения – нет. Такова его специфика, другим оно быть не может. Смотреть телевизор – все равно, что семечки лузгать. Занятие пустое, но прилипчивое, оторваться от него трудно. У меня есть знакомый мужик, который к сериалам пристрастился. Так у него теперь вся жизнь распланирована от серии до серии.

Я предпочитаю читать. Книги дают пищу для ума, газеты – насыщенную информацию.

– У вас дача есть?

– Нет и не было. Как, к примеру, и машины. Спросишь, почему? Это делает человека заложником, рабом вещей: за дачей надо следить, автомобиль ремонтировать, заправлять, ну и так далее... Вот говорят, что машина дает свободу. Мол, садись и езжай куда хочешь – хоть в лес, хоть в другую страну. Но я ведь много раз видел, как автомобилисты ставят машину на поляне и круги вокруг нее рисуют, боясь отойти на два шага, чтобы кто-нибудь не открутил колеса или на капоте уравнение с двумя неизвестными не накарбал. У меня таких проблем не существует, я вольный человек, поскольку из всего движимого и недвижимого имущества имею только велосипед. На нем можно прекрасно передвигаться. Были бы желание и силы.

– А они есть, желание и силы?

– Пока не жалуюсь. Вот и в честь юбилея решил сделать себе подарок. Собираюсь в командировку во Францию. Конечно, не на велосипеде поеду... Хочу увидеть деревенскую Францию, побывать в устье Роны, поклониться дому старика Фабра.

17 марта 2000 г.»

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1998

«Польской петушок»

Окно в природу

Один раз увидев удода, вы никогда его уже не забудете. Очень наряден! Там, где птица поселится, вы непременно скоро об этом узнаете. Вы обратите вниманье сначала на глуховатый, но далеко слышный крик: «Упупуп! Упупуп!» Крик заставит остановиться, так же как крик коростеля, кукушки, перепела, – не песня, но что-то очень приятное, летнее – «Упупуп!..».

Мальчишкой я первый раз увидел удода на выгоне, возле речки, где деревенские бабы обычно доили в полдень коров. Старуха, собиравшая в мешок на топку сухие коровьи лепешки, указала мне палкой на очень красивую, необычную птицу. «Гляди-ка, как нарядился, а исть бог знает что...» Яркая пестрая птица с чубом из перьев длинным, слегка изогнутым клювом ковыряла уже подсохший коровий блин. Но интересовал ее, как мы увидели, не сам навоз, а то, что было под ним. У нас на глазах птица выудила большого жука, потрепала, помяла его в длинном клюве и потом, забавно подбросив кверху, поймала. «Вон оно что...» – сказала старуха, принимаясь за свое дело. А я пополз канавой поглядеть, как орудует птица у новой лепешки, почти что прямо под ногами коров.

Пастух о птице кое-что мне поведал и указал кнUTOвищем на ветлу возле речки: «Там у нее гнездо. Если интересуешься, сбегай и погляди...» Пастух почему-то загадочно улыбнулся. Но мне это только жару добавило. Через десять минут я уже был у ветлы и услышал яростный ор голодных птенцов. Один из них высовывался из дупла и был уже похож на родителя. Я вздумал его схватить, но птенец скрылся, и рука у меня скользнула в дупло... Теперь-то я понимаю, почему в наших черноземных местах называют удода вонючкой. Все птицы удаляют из гнезд испражненья птенцов, а щеголь удода не считает нужным делать хлопотливую операцию. Нетрудно представить, как пахнет дупло. И впервые об этом узнал я в детстве. «Беги к речке скорее, помой руки», – смеялся пастух. Таким было знакомство с экзотической птицей.

Сколько раз потом наблюдал я удода у скотных дворов. На выгонах, на огородах у околицы сел, среди редких деревьев по речной пойме. Бинобль подает птицу к самым глазам – видишь каждое перышко. Глаз оторвать невозможно – настолько красив, своеобразен этот немногочисленный, но нередкий поселенец степных и лесостепных районов.

Это он, ждущий прогулки по огороду...

Сразу обращает внимание на себя длинный, похожий на пинцет клюв удода и веер из перьев на голове, напоминающий наряд американских индейцев. Перья у удода на голове с черно-белыми кончиками. Но это хорошо видно только в момент, когда веер распущен. А в сложенном виде он как бы зачесан назад. Но игра у удода этим своим украшением постоянна, она как-то связана с его настроением, и в полном наряде птицу увидеть совсем нетрудно. Общий цвет перьев удода желто-кирпично-розовый. Но широкие крылья и хвост добавляют к теплым тонам яркие черно-белые полосы. В полете птица напоминает очень большую нарядную бабочку.

Клюв-пинцет у удода – орудие, приспособленное промышлять еду главным образом на земле. Прекрасное зрение помогает птице точно угадывать норки и щели, в которые следует запускать длинный клюв. Жуки, сверчки, кузнечики, бабочки, дождевые черви, муравьиные яйца и иная всякая мелкота идет щеголю на обед. Но есть у него одно коронное блюдо, за пристрастие к которому огородники должны удода боготворить.

На равных правах со всем, что вплетено в пестрый ковер земной жизни, существует нечто похожее на большого сверчка – медведка. Живет в земляных норках. Хорошо их, подобно кроту, копает, питаясь корнями разных растений, но предпочитает все огородное, кроме хрена и редьки. Бороться с этим большим насекомым, «похожим на небольшого

зверька», затруднительно. А вот удод словно бы даже создан для истребления этого корнееда. Он знает, где медведок искать. Движение «пинцетом» – и вот мы видим ловца с желанной добычей. Другие птицы тоже медведку не обойдут. Но им надо увидеть ее на поверхности, а это дело случая. Удод же спец по медведкам. В бинокль и на снимках чаще всего видишь его с этой желанной добычей. Обломав ее хитиновые колочки, птица не торопится проглотить лакомство, держит в клюве «жирный кусок», и лишь насладившись трофеем, подбрасывает его вверх и, поймав, проглатывает либо несет в гнездо вечно орущим голодным птенцам.

Удод невелик – примерно с дрозда.

В птичьем мире удод со всеми хорошо уживается. Но всех, даже маленьких птиц, почему – непонятно, побаивается. И страшится панически хищников. Все наблюдатели пишут, как этот не слишком хороший летун, заметив ястреба или канюка даже, бросается на землю и распластывает тело, превращаясь в бесформенную «цветную тряпицу». Это способ себя уберечь. А вонь из гнезда – способ отпугнуть хищников от птенцов. Ласка, хорек, куница с их чувствительными носами оббегают дурно пахнущее жилище. А что касается ястребов, то не всегда удается яркой, заметной птице обмануть хищника. В Курской области, в пойменных дубняках у Сейма, я увидел однажды горку нарядных перьев – в укромном месте удодем закусил ястреб-тетеревятник.

Для гнезд удод выбирает любое укрытие: старое гнездо дятла, сумку от выпавшего сучка на дубе, гнилую полость в стволе старой ивы, нишу в кирпичной кладке, закуток под кровлей коровника. Однажды гнездо удода я обнаружил в копенке старого почерневшего сена, а в Ростовской области гнездо показали мне в щели ржавого брошенного комбайна. О высоте гнезд удод не очень заботится, занимая местечки иногда у самой земли.

Пять – семь грязновато-белых продолговатых яичек – обычная кладка в гнезде. (Пишут, бывает и до двенадцати.) Шестнадцать дней насиживания, а затем кормление горластых, как и у дятлов, птенцов. Пищу носят оба родителя. С птенцами они не ночуют, доверяясь защитной силе отвратительного зловонья в гнезде.

Нигде не видишь удодов стаями. Эта птица – всегда одиночка. А если все же заметишь в конце лета группу в семь – десять птиц, то это значит, встретил еще не распавшуюся семейку – маму, папу и взрослеющий молодец.

Жизненное пространство удодов большое – от морских побережий Европы до Тихоокеанского побережья, но граница их ареала высоко на север не поднимается. Удод – птица южная. Москвичи, к примеру, ее не знают, хотя однажды к юго-западу от столицы удода я видел. Регулярно удода попадают на глаза, начиная с тульских земель, а в Черноземье и дальше на юг эти птицы обычны.

Удивила меня Агафья Лыкова, рассказавшая о «польском (диком) петушке», залетающем к ней в огород. Я подробно, с пристрастием стал расспрашивать и понял, что речь идет о удоде. Довольно умело изображенный Агафьей крик «петушка» не оставил сомнений: птица хоть и нечасто, но все же встречается в южной части сибирской тайги. Любопытно, что во многих местах удода зовут «лесной пастушок», а для Агафьи это все-таки «петушок», залетающий в огород.

Яркий наряд роднит удодов со шурками, сизоворонками, иволгами, зимородками. В южных краях на зимовках эта птица естественным образом вписывается в яркую пестроту жарких мест. Удодов встречал я в Индии и в Китае. А в Африке их видишь на всех широтах, вплоть до Кейптауна. Но тут различают удода, кочующих по континенту, и тех, что на лето улетают на север. Любопытно было видеть знакомую хохлатую голову «петушка» почти под копытами буйволов и антилоп. Удод и тут, на зимовке, – всегда в одиночестве. Ничего не пишут, как совершают удода миграции – по одному или все же компаниями?

В российских краях удода появляются на спаде полной воды и сразу о себе заявляют характерными криками. Все в этих оповещениях: «Я прилетел! Тут моя территория! Ищу

подругу! Не потерплю соперника!» Стихают удода к середине июля, а в конце лета, следом за иволгами и кукушками, улетают к теплу тихо и незаметно, чтобы в апреле снова заявить о себе: «Упупуп! Упупуп!»

- **Фото автора. 21 августа 1998 г.**

Волки просили хлеба

Окно в природу

Шел дождь. Мы двигались медленно, зная, что рядом в лесу скрываются волки и что они, возможно, выбегут на дорогу.

И они выбежали. Мокрые, шелудивые. Их было шесть. Волки окружили машину и с любопытством разглядывали нас через стекла. Мы с Андреем не двигались, почти не дышали. Один волк подбежал и потерся боком о фару, остальные мрачно изучали машину, и было видно: звери теряют к нам интерес.

Тогда я осторожно понизил стекло и кинул на дорогу краюшку хлеба. Крайний зверь жадно ее проглотил, и вся компания сразу же оживилась, ожидая новой подачи. Я еще кинул. Хлеб опять достался проворной волчице, и это вызвало явное недовольство стаи. Осмелев, я совсем опустил стекло и стал кидать угощение в разные стороны. Это заставило умных зверей разбежаться, и я мог, несмотря на дождь, их снимать...

Не станем дальше интриговать и перенесемся в Африку. Сегодня многие знают слово «сафари». Оно означает «охотничье путешествие». Путешествия эти ярко описаны Хемингуэем. Но и до него сафари снаряжались. Десятки черных носильщиков доставляли в саванну воду, еду, оружие. Руководил экспедицией «белый охотник». Его задача была – организовать походный быт охотника-богача, разыскивать дичь и страховать клиента с оружием от всяких случайностей. Обратный караван нес трофеи – шкуры, рога антилоп и бивни слонов.

Сафари устраивают и сегодня, уже на автомобилях – не перевелись любители завалить слона или буйвола, подстрелить антилопу, завладеть шкурой льва или зебры. Но все больше людей предпочитают охотиться не с ружьем, а с фото- и видеокамерой – дешевле, возможностей больше и, главное, звери, оставляя изображение на пленке, не лишаются жизни. Такая охота вполне безопасна. Машины, в которых едут туристы или профессионалы съемок, животные принимают за нечто подобное им самим – движутся, дурно пахнут, несъедобны, но зато и сами не нападают.

Волки мрачно изучали нас.

Сафари стали популярной формой знакомства с животными Африки. Десятки туристских фирм увлекают в саванну людей, и не могла не прийти мысль: а нельзя ли и в другом месте устроить нечто похожее? Просторный зоологический парк, животные в нем как бы вольные, а люди – в передвижных «клетках» – автомобилях. В 1965 году в Европе первый подобный парк появился. Экзотическая новинка вызвала интерес. Конечно, это была пародия на сафари. Но все же приятно было видеть животных не в клеточном заточении. Прибавилось и эмоций – когда жираф стоит над машиной подобно подъемному крану, а лев может почесаться о колесо, повизгивать в машинах начинают не только дети, но и взрослые тоже. В загон помещали африканских животных – известных, заметных. Помехой была сезонность – зимой обитателей тропиков надо было перемещать под крышу.

В 1972 году «европейское сафари» открылось при большом зоопарке шведского города Кольморден. С вице-консулом Андреем Миляевым на пути из Гетеборга в Стокгольм мы сюда заглянули.

Андрей в зоопарк предварительно позвонил. И заведение, заинтересованное в известности, нас принимало не как простых посетителей, платящих за въезд двадцать семь долларов, а даром, с деловым интересом. Коротко объяснили, как надо себя вести, но узнав, что нам знакомо и настоящее африканское сафари, и понимая, что мы заинтересованы в снимках, приемлемых для газеты, сказали: «Вас будет сопровождать сам Рикард Андерсон». Знарок повадок и зверей, и людей оказался рыжим боевым парнем. Его инструкции были простыми: «Кормить животных тут запрещается, но вам в машину я кладу запас хлеба. Столько же беру и себе. Это для привлечения объектов съемки в нужное место. Стекла можете держать опущенными. Можно кое-где даже из машины и выйти, но опасайтесь страуса – любит подрасться. И, конечно, тише воды, ниже травы надо быть в окружении хищников. Там вы должны быть задраены, как в российской подлодке». С этим напутствием мы и тронулись.

В дождь посетителей было немного. Бесконечная лента автомобилей бывает тут летом – до восьми тысяч в день! И можно представить себе отвращенье зверей к текущей мимо реке железа. Теперь же обитатели гетто машинами даже интересовались. К нам, например, сразу направился крупный лось.

Шедший к нам лось явно ничего не боялся, он давно тут усвоил: корочка хлеба ничуть не хуже горьких веток осины, и шел уверенный, что получит гостинец. Я протянул хлеб, и лось ворсистой мягкой губой с руки его взял. Потянулся отломить новую порцию, но лось в открытую дверь увидел на заднем сиденье хлеб и не стал дожидаться подачи. Заполнив головой половину пространства машины, он прихватил губами целый батон и стал жевать его, не отходя от нашего «Форда». Сопровождающий рыжий Рикард понял, что нам важнее снимать лося со стороны, и хлебом же поманил зверя к своей машине.

До этого робко стоявшие в стороне олень и косули, уловив момент, когда явный повелитель загона – лось отошел, подбежали получить свою долю. Не решилась подойти к машине лосиха с тремя телятами. Рикард подъехал нам объяснить, что наблюдаем несчастный случай, когда у лосихи – тройня, обычно бывает один-два лосенка. Рикард нам разрешил «поохотиться» за этой семьей, и мы с Андреем осторожно старались приблизиться к бдительной матери. Удалось сделать выразительный снимок. Но лосиха поняла особый к ней интерес и увела малышей от дороги под покров елок.

Африка представлена была на поляне в скандинавском лесу жирафами, зебрами, буйволами, коровами с феноменально большими рогами, страусами и антилопами. Жирафы флегматично жевали зелень, разложенную для них на высоком помосте, антилопы стояли группами, покорившись нетеплому скандинавскому дождю. Хлеб в моей руке заинтересовал в первую очередь экзотическую корову. Неся рога, как две большие оглобли, она приблизи-

лась к нашему «Форду», и мы, от греха подальше, решили отвлечь ее от никелированной красоты радиатора.

В конце маршрута (у посетителей сафари-парка он занимает тридцать – сорок минут) ожидали нас хищники. Тут Рикард был строг. Через специальный «шлюз» мы проникли на территорию, где обитали львы. Их было девять – два гривастых самца, три самки и четверо малышей. Дождь львам не нравился. Тесной группой они лежали под деревом и лишь поворотом голов проследили за нашей машиной. Но надо же было их как-то снять. Изменением маршрута Рикард заставил зверей подняться. Они возбужденно забегали, и в какой-то момент «царю зверей» машина показалась не то что опасной, но нежелательной. Он выбежал на дорогу и, перекрыв нам путь к отступлению, принялся что-то делать с машиной. Она слегка покачивалась. Все происходившее, но нам невидимое, очень занимало компанию львов. Малыши даже выскочили к дороге, чтобы видеть момент изгнания нас со своей территории.

Осмотр машины после маршрута показал: лев терзал пластмассовый бампер «Форда» и оставил на нем несколько дыр от зубов. «Это ничего, – сказал Рикард, – одного посетителя на этом же месте львы растерзали». Это было единственное драматическое происшествие за всю историю сафари. «Какой-то, скорее всего, не вполне нормальный любитель животных решил поиграться со львятами – вышел из машины и стал их подманывать. Конечно, родителям-львам эта игра не понравилась...»

Наибольшее удовольствие доставили нам медведи и волки, живущие вместе. Неволя научила зверей терпимо относиться друг к другу. Схваток между шестью волками и пятью медведями ни разу не наблюдалось. Волки иногда скалят зубы, прищучив какого-нибудь Михаила, бродящего в одиночку, но серые знают, как опасны громадные лапы зверя, и границу явной опасности не переходят.

Но интересно все же видеть волков и медведей в одной компании. Мишек отвлек к своей машине Рикард, и мы снимали неторопливую их возню. Но я напрасно ожидал сцены, виденной мною в каком-то фильме. Медведи там развлекались тем, что подталкивали, катили по дороге маленькую машину «Фольксваген». Тут же медведи, получив хлебный «сбор», спокойно уселись, наблюдая за скакавшими возле нашего «Форда» волками. Явно действовал какой-то неписанный уговор: «Мы свое получили, ну а другая машина – ваша».

Не подозревали, что волки станут есть хлеб. Но они жадно его хватали. Зверей в этом парке голодом, конечно, не морят. Рикард рассказал нам о тщательно разработанном рационе питания для всех животных. Хлеб волки хватали по обычной своей жадности запасать пищу в желудке, а еще и от скуки.

Всю дорогу до Стокгольма мы говорили с Андреем о пережитом за три часа пребывания в парке. Вице-консула слегка волновал покореженный бампер. Машина казенная, поверят ли: лев, а не что-нибудь прозаическое повредило машину? Уже из Москвы я позвонил в Гетеборг. «Поверили, поверили, – засмеялся Андрей. – Бампер уже заменили. Великовата испорченная деталька, а то сохранил бы как сувенир».

• **Фото автора. 16 октября 1998 г.**

Свидания у окошка

Окно в природу

Эту птичку все знают. Она лесная. Под древесным пологом среди многих других пичужек заметишь ее не всегда. Но осенью, когда все начинает желтеть и когда все до весны утихает, вдруг слышишь звонкий и жизнерадостный голосок: «Ци-ци-ци!.. Пинь-пинь-пинь!..» Это она, большая синица. Ее узнаешь сразу по белым щечкам, по оливково-бурой спинке, по лимонного цвета брюшку, по черной головке, черной манишке и, конечно, по особому нраву.

Синица прилетела из леса поближе к людям пережить зиму. Она хорошо знает выгоды этого переселения, хотя половина ее подруг остались в лесу. Что же перепадает птичке рядом с нашим жильем? Случайные крохи, какими и воробьи пробаваются. Но активность синицы в поисках пищи вызывает сочувствие, и давно уже возле окон к зиме выставляют птички кормушки. Семена, кусочек мяса и сала – все синицы немедленно обнаружат и будут летать в столовую регулярно. Забыли добавить еды – синицы немедля об этом тебя известят особой активностью, а то и стуком в окошко. Видеть толкотню у кормушки в морозный день – радость для взрослых и детишек.

Бывает, синицы небоязливо залетают и в форточку. Поразительно: лишь минуточку-другую они чувствуют себя пленниками. Быстро освоившись с обстановкой, птицы держатся в комнате так, как будто всегда в ней жили, – все исследуют, и в первую очередь с целью чем-нибудь поживиться.

Несколько лет подряд в отпуск уходил я зимой и по три недели жил в санатории «Пушкино» под Москвой. Синицы отлично знали форточки большого сооружения, нырнув в которые можно было чем-нибудь поживиться. У меня в столе одна проворная бестия обнаружила подсолнечные козинаки. Еда синице так понравилась, что она ерзала на перекладине рамы, торопя открыть форточку. Есть какой-то способ у птиц сообщать друг другу о наличии пищи – пировать на плиточки козинаков стали слетаться по пять-шесть синиц. Работая за столом, я мог наблюдать за возней птичек, лишь чуть скосив глаз от бумаги к открытому ящику стола, куда по очереди ныряли бесцеремонные гости. Ничего удивительного! В парках, где синиц подкармливают, они смело хватают еду с ладони.

А в марте синицы начинают славить прибывающее тепло и солнце. Весенняя песня у них несложная, но удивительно звонкая и приятная: «Зензивар, зензивар!..» Под эту песню синицы удаляются в лес, и жизнь их становится уже не такой, как прежде, открытой, заметной. Уже только опытный глаз приметит, как парочка бойких строителей присмотрит себе дупло или нишу в трухлявом пне, воспользуется боковиной гнезда сороки или вороны.

Синица, о которой мы говорим, – старшая сестра птичек, похожих и не похожих на большую синицу. Кто бывает в лесу, их знает: синица-гренадер (с хохолком на головке), лазоревка (название само за себя говорит), крошка гаечка и ополовничек – серый пушистый шарик с крохотным клювом и длинным, как у сороки, хвостом. Вся эта мелкая братия приспособлена жить в лесах. Неважнецкие летуны – синицы, зато непревзойденные древолазы. Крепкие ноги с острыми коготками на лапках позволяют им обшаривать ветки деревьев вплоть до самых тонких, на которых они повисают в разнообразных позах, частенько даже вниз головой. Черный бисер их глаз позволяет увидеть оцепеневших в складках коры насекомых и их яички, столь мелкие (например, у тли), что человек рассмотреть их может только под микроскопом.

Нехорош зимний холод, но птицам он нипочем, если находят корм. И потому с утра до ночи синицы пребывают в поисках пропитанья. Один дотошный ученый, пометив синицу,

сосчитал: за сорок минут наблюдений она обследовала девятью шесть сосен и пять берез, на сосне за минуту оглядела четырнадцать веток. Летом во время кормления птенцов синицы за световой день пятьсот раз (!) прилетают с кормом к гнезду. Надо ли говорить, какую услугу оказывают они деревьям всюду, где появляются. Синиц справедливо считают самыми полезными птицами в лесах и парках.

Каждую осень она тут как тут...

Живущие летом парами и оседло, синицы к осени объединяются в небольшие кочующие стайки. Причем смешанные: синицы всех видов, а также иная всякая мелкота, остающаяся в родном лесу зимовать. Нередкий предводитель в этой разношерстной компании – пестрый дятел. Сам он вряд ли имеет склонности к лидерству, но птицы за ним дружно следуют не только потому, что он заметен и означает свое присутствие «организующим» стуком, а потому еще, что со стола дятла падают крошки, которых вполне довольно маленьким едокам.

Самые знаменитые в зимних лесных компаниях – длиннохвостые ополовнички. Эти милые, кроткие существа небоязливы. Став неподвижным, их можно наблюдать долго, а характерным писком мне удавалось даже их созывать. Бедствие для синиц – хлопья снега

на ветках. Но больше всего угрожает птицам оледененье, когда прочный панцирь скрывает все, за чем они неустанно охотятся. Еще одно бедствие – морозные зимние ночи, когда невозможно согреться едою. Сберегая тепло, мелкие птицы всей разноперой братией набиваются в дупла и там дожидаются дня, чтобы сразу начать кормиться.

Замечено: животные, обитающие рядом с людьми, становятся как бы умнее, смекалистей. Происходит это оттого, что они знают наши повадки и реагируют на них «неглупо» – целесообразно для выживания. Назовем волка, лисицу, ворону, сороку, воробья, крысу, даже и таракана. Синица тоже знает, как вести себя с человеком. Она вполне ему доверяет. Соорудите кормушку и проследите за воробьями. Эти мужиковатые осторожные тугодумы, ожидая подвоха, будут кучно сидеть, и ни один не порхнет на кормушку – подождут, что будет делать синица. А она, лишь чуть оглядевшись, немедленно устремляется к пище и ведет себя озорно и деловито. Порой ее поведение кажется безрассудным. Но эта непоседливая забияка далеко не глупа. В детстве я ловушкой пленил синицу и, повязав ей на ногу красную нитку, стал наблюдать. Урок опасности был ею усвоен. Все синицы садились к ловушке, а та, что в руках побывала, остерегалась. Синицы отлично знают, что кошка – опасность, а у собаки можно выдернуть шерсть со спины для гнезда. В отличие от воробьев, с которыми синицы делят трапезу на кормушках, «запас осторожности» у них небольшой.

Все животные – исследователи. Им важно определить, что съедобно, что несъедобно, что опасно, а что не очень. Синица тут – в первом ряду. Во многие книги по орнитологии вошли «гениальные» лондонские синицы, нашедшие способ лакомиться сливками из бутылок. Бутылки молочник утром оставляет хозяевам возле порога, и синицы острым клювом научились вспарывать крышечки из фольги. Пишут, что вначале сделала это какая-то очень способная из синиц, остальные прием у нее переняли.

В санатории «Пушкино» я проверил: нет ли гениев среди местных российских синиц? На вечер нам приносили кефир. Выставленную на балкон на ночь бутылку кефира утром я обнаружил с пропоротой крышкой. Попросил знакомых опыт мой повторить. Результат был таким же. Написал другу в Воронеж, и оттуда – те же самые результаты. Выходит, не надо преувеличивать гениальность синиц английских. Они везде гениальные.

И еще одна мало кому известная способность большой синицы совершать уже «уголовное дело». Она замечена и в природе, но чаще проявляется в клетках, куда синиц запирают для удовольствия слышать их серебряный голосок и чтоб канарейки могли перенять чистые тонкие звуки синичьих переговоров. Так вот в клетках синицы нападают на слабых и робких птиц, иногда даже более крупных, чем они сами. Тут обычные «хулиганские» выходки милой птички переходят в смертоубийство. «Синица вцепляется в жертву острыми коготками и долбит ей голову, чтобы с жадностью выклевать мозг». Из песни слова не выкинешь – в одном существе соединяются красота, ангельский голосок, отвага и кровожадность.

Есть у природы свои правила и законы. Они временами суровы. Но человеку ли их осуждать! И потому забудем о редких и неожиданных для нас прегрешениях маленькой птички, скачущей на кормушке возле окна. Она к нам за милостью прилетела. Поможем ей пережить зиму!

• Фото автора. 6 ноября 1998 г.

Белые журавли

Окно в природу

Действуя без оглядки, люди на земле уже потеряли, и безвозвратно, многих животных. В лучшем случае рисунок в книжке и музейные чучела напоминают: были...

Сегодня на грани исчезновения находятся сотни птиц, зверей, змей, ящериц, насекомых. Земля беднеет на глазах нынешних поколений. Осознавая трагичность потерь, люди стали тратить немало средств, усилий, изобретательности, чтобы отвести от роковой черты хотя бы то, что особенно дорого. В этом ряду поучительны усилия американцев по спасению журавлей.

Когда-то белые журавли были в Америке обычной, хотя, быть может, и не слишком многочисленной птицей. Плуг в прериях, пастьба скота и неумеренная охота оказались для журавлей роковыми. Их видели реже и реже. И наконец, птица совсем исчезла. Ее оплакали как очередную потерю.

Но в 1938 году на зимовке в Техасе обнаружили журавлей – десять старых и четырех молодых. Известие это было подобно известию о воскрешении из мертвых. Гудящая машинами Америка вдруг почувствовала прилив любви и заботы к уцелевшим аборигенам своей земли. Но всего лишь четырнадцать! Как им помочь?

В конце марта журавли полетели куда-то на север. И орнитологи с замиранием сердца ждали: вернутся ли? Вернулись! И было их двадцать два. Еще один год – двадцать шесть! Но в 1945 году насчитали семнадцать птиц. «Казалось, еще порыв ветра, и свечка погаснет». Однако стая держалась, теряя на перелетах несколько стариков и пополняясь молодняком. В 1964 году насчитали сорок две птицы. Американцы с волнением следили за борьбой за выживание горстки живых существ.

Путь журавлей теперь был прослежен. Из Аранзаса в Техасе (тут сразу же был учрежден заповедник) через всю Америку журавли летели на дальний север Канады – около пяти тысяч километров, столько же – обратно осенью до Техаса. Летят журавли высоко. Без бинокля их не увидишь. Но кормиться они опускались. Из разных мест к орнитологам в центр по спасению журавлей поступали взволнованные телеграммы: «Мы их видели в Оклахоме!», «Пролетали у нас в Южной Дакоте!».

Лето белые журавли проводили где-то в глуши канадского заповедника «Вуд-Буффало». Стали искать их гнезда. Но лишь после большого пожара лесник Уилсон увидел на болотной прогалине белых птиц. В эти места снарядили специальную экспедицию. После необычайно тяжелых поисков (вертолет – лодка – пешее продвижение по болотам) орнитологи наконец нашли, что искали. На карту гнезда нанесли как величайшую ценность.

Совместными усилиями американские и канадские орнитологи постарались узнать все, что можно, о птицах, не причиняя им особого беспокойства. Важные выводы... Белые журавли – необычайно добросовестные родители. Одиннадцать месяцев они опекают потомство, кормят, учат летать. На пути к югу (и обратно весной на север) молодой журавлик летит в середине между матерью и отцом. И только вернувшись на родину, он ищет пару и покидает родителей (они занимают родовое гнездо).

Но важнее всего другое. Из двух яиц, отложенных журавлями, одно является как бы страховочным – жить остается один, наиболее сильный птенец. Сопоставляя число яиц в гнездах и число молодых журавлей, прилетающих в Аранзас, ученые делают вывод: одно яйцо без ущерба для журавлей можно брать из гнезда и пытаться «высиживать» в инкубаторе. Для страховки. Слишком уж малочисленна, уязвима, зависима от случайностей горстка

сохранившихся птиц. Но как забрать яйцо из гнезда? Верны ли расчеты, что одно яйцо «лишнее»? Как поведут себя журавли, не снизит ли это прирост и без того маленькой стаи? И даст ли что-нибудь инкубация? Решили трижды проверить на птицах другого вида. (Есть в Америке серые «журавли песчаных холмов».) Все получилось! Три года подряд получалось! По выработанной методике ученые решаются подступиться к гнездам, упрятым в северной части Канады.

Дельтаплан гуси признали за лидера.

Эта история чем-то напоминает сказку с хорошим концом. В глуши, какую только способны высмотреть осторожные птицы, опускается вертолет. В нем два человека. Один остается в машине, другой пробирается к гнездам. Возвращается он с драгоценной добычей – в шерстяном носке осторожно несет яйцо. Еще одно. Еще... Яйца кладут в приготовленный термостат. В местечке Форт-Смит из вертолета биологи пересаживаются в самолет... Девять часов путешествовали журавлиные яйца из приполярной Канады до инкубатора биостанции.

Проклевывая оливково-коричневую скорлупу, мокрые журавлята видели тут не белоснежную мать, стоящую над гнездом, а взволнованное лицо человека. Но заменить им родителей было непросто. Птенцы оказались заядлыми драчунами. (Точно так же они ведут себя и в гнезде.) Чтобы все остались живыми, к журавлятам посадили «мальчиков для битья» – индюшат. Пар агрессивности был истрачен, все журавлята остались живы и превратились в красивых птиц. Волновало теперь другое. Как стая? В Аранзасе ждали ее возвращения. Когда журавлей сосчитали, радость была всеобщей – молодых было столько же, сколько их прибавлялось в самый благоприятный год: пятьдесят девять.

Конструктор со своим «Журавлем».

Пятьдесят девять!.. Все это мы узнали с другом Борисом Стрельниковым, путешествуя по Америке в 1972 году. И с тех пор я с большим интересом ждал «журавлиных вестей». В Америке создан специальный питомник для спасения журавлей (все они на земле – пятнадцать видов – в опасности). По образцу американского создан «журавлятник» и у нас в заповеднике на Оке. Объектом изучения и спасения стал также и наш сибирский белый журавль стерх.

Люди, связавшие судьбу свою с судьбою прекрасных птиц, сегодня известны и уважаемы. Первым надо назвать американского орнитолога Джорджа Арчибальда. Я встречался с ним не единожды в Америке и в Москве – из первых рук получал вести с «журавлиного фронта». А недавно услышал новости, к которым причастен наш соотечественник, художник Виктор Бахтин. Программа спасения журавлей так его увлекла, что Джордж Арчибальд пригласил Виктора на постоянное жительство в штат Висконсин, где находится головной «журавлятник» и где Виктор Бахтин уже четыре года плодотворно работает. Я написал ему с просьбой ответить, что там и как с белыми журавлями. И недавно получил папку с рисунками, снимками, вырезками из газет и журналов и с большим интересным письмом.

Главная новость: сейчас белых журавлей уже 254. Из них диких, вольных – 158, а 96 рассредоточены по разным питомникам. Часть птиц были выведены в инкубаторах из яиц, взятых в природе. Но с немалым трудом при искусственном оплодотворении стали получать яйца и от птиц, живущих в неволе. Как распорядиться этим богатством? Можно было в инкубаторе продолжать получать птенцов, пополняя ими число «невольников». Но куда заманчивей и важней увеличить численность диких птиц.

Идея, возникшая в 1975 году, казалась многообещающей и простой. В гнезда журавлей серых (нередких!) тайком положили 289 драгоценных яиц белых журавлей. Расчет был простой: выведут журавлят, воспитают и улетят на зимовку. Так и вышло: вывели, воспитали, улетели с «неродными» детьми. Орнитологи торжествовали победу, увы, преждевременно. Неприятный сюрприз проявился в момент, когда птицы созрели для размноженья. Оказалось, белые журавли не признавали друг в друге сексуальных партнеров. Вылупившись из яиц, они видели журавлей серых – произошло так называемое половое запечатление. Красавцы белые журавли искали себе пару только среди серых, вызывая у тех, наверное, изумление и протест. Так нулевым результатом закончился, казалось бы, хорошо продуманный эксперимент – природа не дала себя обмануть.

Стали исследовать «эффект запечатления». Оказалось, в определенный момент не только журавль другого вида, но также и человек, «детская коляска и даже трактор», пишет Виктор Бахтин, могут быть запечатлены как половой партнер. А надо, чтобы у молодняка запечатлевался именно белый журавль, причем этот журавль должен воспитывать журавленка, учить житейским премудростям. Тогда и возникла идея «маскировки под журавля». Орнитолог надевал белый балахон, одна рука у него оканчивалась искусно сделанным клювом белого журавля. Человек же в обычном облике у вольеры молодняка не должен появляться ни в коем случае, а человек-журавль кормил малышей из пластикового клюва, ходил с ними по болоту, помогая разыскивать корм, и все шло как будто по природным законам.

Но как заставить молодых журавлей мигрировать – чучело с клювом, за которым потянулись бы журавли, летать не могло... Решили сотню птиц зимовать во Флориду отвезти в автомобиле. Но там обнаружился новый пробел воспитания – журавли не обучены были остерегаться хищников и стали жертвами рысей. Оставшихся птиц пришлось переместить в более безопасное место. Теперь в процессе обучения-воспитания молодняка в питомнике на определенном этапе включается еще и «нормальный человек» с собакой. Так вырабатывается стойкое чувство опасности, неизбежной в природе.

Но осталась проблема: как заставить молодь мигрировать к месту зимовки и возвращаться домой обратно? Перевозка машиной не дает возможности молодым птицам запоминать дорогу к месту, где они родились.

Но вот обнадеживающая новость. Два года назад канадский художник-изобретатель-пилот и натуралист Билл Лишман научил гусей (канадских казарок) летать за его мотодельтапланом. Восемнадцать гусей Билл провел из Квебека (Канада) в Южную Каролину (США). А весной (о радость!) тринадцать птиц тем же путем вернулись на родину. На следующий год Билл лидировал на легком своем аппарате при стае в тридцать восемь гусей. Тридцать четыре из них весной уже самостоятельно вернулись на родину! Эксперимент этот сделал Лишмана знаменитым и, конечно, взбудоражил всех журавлятников: «Надо немедленно пробовать!»

Пробовать решили, как и прежде, на журавлях серых. Скотовод и биолог из штата Айдахо (США) Кент Клэгг в 1994 году научил шестерку канадских журавлей следовать за его дельтапланом. Еще через год уже одиннадцать «канадцев» пролетели с Кентом более тысячи километров из Айдахо до штата Нью-Мексико. Итог: две птицы не выдержали путешествия (их транспортировали в автобусе), одна вернулась домой, две, несмотря на бдитель-

ность лидера, стали жертвою беркутов. Планерист, стараясь выручить журавлей, разворотами пугал хищников, но орлы не шибко его боялись. Что касается всей стаи, то журавли, сломав клин, старались укрыться под широкими крыльями дельтаплана.

Полет с посадками на отдых и при скверной погоде длился двенадцать дней. Из одиннадцати птиц назначенных мест достигли шесть. На зимовке одну из них убил охотник, другую поймал койот. (Все птицы были снабжены миниатюрными радиопередатчиками.) А четыре крепкие здоровые птицы весной уже самостоятельно по маршруту, каким двигались с лидером, полетели на север. Два журавля присоединились к стае диких сородичей, а два вернулись на родину.

Через год после удачного эксперимента Кенту Клэггу доверили самую важную часть программы. Парень вырастил шесть журавлей серых и столько же белых. И осенью, вновь лидируя на своем дельтаплане, пустился в долгое путешествие. Одну птицу ранили, другая, пытаясь спрятаться от орла, попала ногой под пропеллер. Остальные благополучно достигли зимовки.

В это же время пионер вождения птиц Билл Лишман продолжал исследовать тонкости поведения журавлей в полете за необычным лидером. Экспериментируя с серыми журавлями, он выяснил, кто выносливей и послушней в полете: журавли-новички или более зрелые птицы? Оказалось, послушней молодые, а выносливей – «старики».

Итог исследований: с помощью дельтаплана журавлей можно научить пользоваться нужным маршрутом. Но выявились и недостатки необычного лидера. Лететь он должен достаточно быстро, чтобы не потерять устойчивость, у журавлей же скорость полета сорок километров в час, при большей скорости они выбиваются из сил и теряют доверие к лидеру. Еще одна сложность – большой пропеллер. Есть постоянный риск повредить слишком близко подлетающих птиц. Однажды напарнику Билла Джо Даффу пришлось вырубить мотор, чтобы уберечь птицу. Сам он вынужден был приземлиться на верхушки деревьев и вывихнул руку.

Выходит, надо поставить точку в обучении журавлей сверхдальним полетам? Нет, точку не ставят. Последние годы Америка переживает очередное из своих увлечений – все, кто может, строят летательные аппараты величиною с тетрадку и даже с ладонь. Все чин чинком: мотор, крылья, равномерный полет по программе либо управление по радио. И это совсем не игрушка. Серьезные фирмы проектируют подобных «птичек» для военной разведки, для спасательных служб и разных других назначений. Виктор Бахтин в этих конструкциях обошел многих. И поскольку он «изнутри» знает заботы журавлиного центра, то предложил для вождения птиц лидера размером, их мало превосходящим. И не просто предложил, а сконструировал «журавль-самолетик». Мы видим его на этом снимке в руках конструктора. Материал: легкая древесина бальзы (стволы этих деревьев были использованы для знаменитого плота «Кон-Тики»), углеродные нити и пластик. Вес «журавля-самолета» – восемь килограммов, размах крыльев – без малого четыре метра, мотор дизельный, позволяющий лететь с каждой заправкой сто километров. Управление – по радио с автомобиля, катера, моторного дельтаплана. Крошечные телекамеры будут служить самолету глазами – при опасном приближении птицы он может от нее увернуться. Рисунок на фюзеляже огромных устрашающих глаз для устрашения и предназначен. Животных прямой выразительный взгляд пугает. Полагают, этот рисунок остановит орлов.

Неделю назад ночью я разбужен был телефонным звонком. Далекий голос сказал:

– Это Виктор Бахтин. Звоню вам из Барабу.

– Это что, Африка?

– Да нет, Америка. Маленький городок в Висконсине, где проживаю, – милая, чистенькая дыра. Даже стихи о нем сочинил: «На великом континенте, что Колумб открыл слу-

чайно, затерялся в бездне прерий городок провинциальный. Написать его название я без смеха не могу. Называют город этот почему-то Барабу».

Мы посмеялись. Виктор интересовался, получил ли я его папку с бумагами, а я кое о чем его расспросил.

Выяснилось, в детстве, живя в Красноярске, Виктор мастерил летающие модели самолетов и вертолетов и теперь смастерил «Журавля». Его идею приняли очень серьезно и поставили условие: «Скорость не должна быть больше сорока километров в час. «Журавль» должен уметь садиться на любое место и с любого взлетать. Он должен иметь громкий «магнитофонный» голос с характерным для журавлей призывом «лететь». Модель должна быть значительно больше настоящего журавля – иначе за лидера его не признают». «Недавно я получил средства на доработку модели и осенью ее испытаю в полете к Флориде, но пока что без журавлей. Очень хочется помочь сохранить белых американских и моих земляков – белых журавлей стерхов. Одна из моих картин об этих птицах называется «Последняя надежда».

Время сказать: Виктор Бахтин – художник. Жил в Красноярске. Учился в полиграфическом институте Москвы. На хлеб зарабатывал оформлением книг, предпочитая всему рисовать птиц и зверей. Дотошность и точность изображений произвели сильное впечатление на Джорджа Арчибальда – президента фонда по спасению журавлей. «Переезжай в Америку – хлеб себе обеспечишь писаньем картин. Американцы, любящие природу, увидишь, сразу оценят твою работу».

И вот Виктор четыре года уже живет в Барабу.

Читатель скажет: ну а модель «Журавля»? Откуда конструкторские способности? Я Виктора тоже об этом спросил. Его ответ: «Вы знаете, мой дядя Владимир Петрович Ветчинкин был известным ученым-авиатором, окончил МВТУ вместе с Туполевым и Сикорским. С Туполевым были они большими друзьями. Я, конечно, их мира не знал, но, будучи школьником, почему-то любил мастерить летающие модели аэропланов, прыгал с самодельным парашютом, увлекался дельтапланеризмом, зимовал на станции СП-22 (Северный полюс-22) и много чем еще увлекался. Словом, по натуре – непоседа-авантюрист. Недаром меня недавно арестовали. Я как две капли воды оказался похожим на известного в Америке террориста... Интересно было видеть, как со мной обращаются, и ждать немую сцену, как в «Ревизоре»... Скучаю ли по России? Мне кажется, все русские обязательно по России скучают, хотя жизнь моя в смешном маленьком Барабу сложилась вполне хорошо».

Вот такая история с белыми журавлями... С каким небреженьем и легкостью мы теряем природные ценности! И как трудно (часто совсем невозможно!) вернуть потерянное. Иные усилия порою кажутся лишь бесплодным азартом «за хвост удерживать уходящее» – сколько сил, средств, выдумки, вовлеченности в дело человеческих судеб потребовала эпопея с белыми журавлями! Но ведь есть результат. Было четырнадцать, стало почти три сотни! Это большая награда всем, кто причастен к спасению птиц, и очень большая радость для тех, кто хоть раз их увидел и прошептал: «Боже, летят журавли...»

• Фото В. Пескова и из архива автора. 13, 20 ноября 1998 г.

Лесной акробат

Окно в природу

Из детства много в памяти остается, например помню: с воза хвороста выпрыгнул на дорогу пушистый зверек. Ребятишки кинулись, конечно, его ловить. А зверек – в бурьян, потом мелькнул на ветле у болотца. И все. Остался только в памяти. То была белка, совершившая путешествие в наше степное село из леса. Мне было тогда лет шесть, но я догадался, что это белка. Наряду с зайцем, лисой и волком мы с детства знаем ее по книжкам и сказкам.

И в лесу, при нынешней крайней скудости живности, белку все-таки можно увидеть. А в городском парке она у всех на глазах. Отчаянно смелая, она винтом спускается вниз по дереву и, схватив с ладони орех, начинает забавно, держа его передними лапками, обрабатывать острым зубом, а если сыта, то спрячет (оглядываясь, не видел ли кто?) орешек в снег или в листья. Милый, отважный, но не очень доверчивый обитатель древесных кущ лишь на деревьях чувствует себя в безопасности. По стволу дерева белка «льется», так мелки ее прыжки, на земле же прыжки большие, а меж деревьев она почти что летает. В этом ей помогает великолепный пушистый хвост – он и планер, и руль, и парашют, если приходится с дерева прыгать, он же и парус, когда надо плыть, он же и теплое одеяло. Хвост – главное в облике белки. Без хвоста (однажды мне пришлось увидеть от кого-то пострадавшую бедолагу) белка как бы уже и не белка. Только торчащие уши с кисточками да выпуклые глаза выдавали зверька-страдальца.

В московском парке.

Врагов в природе у белок немало: ястреба, филины, соболь, но главный из них, такой же резвый, как белка, бегун по веткам, – куница. Спасаясь от нее, белка стремится «летать» меж деревьев, что кунице удается труднее. В спасении от ястреба тактика белки иная: вин-

том бегают по стволу дерева. Пернатый хищник, хотя и верткий, круги столь малые делать не может.

Сама белка тоже не прочь поохотиться. Ее добыча – гнезда птиц с яйцами и птенцами. «Мясной стол» для белки, однако, не главный. Лес дает ей много продуктов растительных: орехи, грибы, ягоды, шишки хвойных деревьев. А однажды я видел белку, увлеченную добыванием муравьиных яиц. Хозяева муравейника ее, конечно, одолевали, но белка, отряхиваясь, не отрывалась от вкусного лакомства. В другой раз во дворе лесника на Хопре я соблазнил белку румяным яблоком. Но красота кушанья проворного едока не интересовала, отбрасывая мякоть, белка добиралась до семечек.

Желанное лакомство белки – орехи. Кедровая шишка в передних лапах у едока кажется очень большой, но белка ловко с ней управляется. «Видеть это так же занятно, как если бы человек крутил в руках огромный мешок с картошкой», – пишет сибирский охотник.

При сильной бескормице белки едят молодые побеги деревьев. Если зимой под елкой увидите россыпь еловых мутовок, знайте: это утром после морозной ночи кормился лесной грызун.

Белкам-северянам зимой приходится терпеть холода. В непогоду и очень большие морозы они предпочитают поголодать, но в тепле. Его сохраняет домишко под названием гайно. Сооруженный из веточек, проконопаченный шерстью, травой и мхом, беличий домик-шар уютен, а если мхом заткнуть в него вход, то тепло держится, тем более если в домишко набьется несколько белок. Образ жизни у этих зверьков одиночный, но в мороз заставляет их собираться в кучу. Кроме гайна, у белки несколько приютов временных. Солнце белки не любят и могут от него схорониться в дупле, в брошенном сорочьем или вороньем гнезде. Но молодняк выводят они только в домике постройки собственной с двумя выходами на случай бегства.

Дни свадеб у белок приходятся на март. В это время самцы носятся по ветвям и на глазах у самки азартно дерутся. Ее дело – выбрать самого сильного и проворного.

После тридцати восьми дней беременности в гайне появляется от трех до семи-восьми голых слепых бельчат. Дело матери – оберегать, согреть и неустанно кормить ребятню молоком. В июле у нее – второй выводок. При обилии корма и хорошей погоде может случиться и третий. Учитывая, что через одиннадцать месяцев молодые бельчата уже готовы к спариванию, белки, казалось бы, должны заполнить землю. В иные годы в тайге их бывает действительно много. «С одной точки, в радиусе пятьдесят метров, я насчитывал до полсотни», – пишет охотник. У природы есть отлаженные регуляторы численности животных. Белки, при избыточном их числе в каком-либо месте и при явном недостатке кормов, совершают массовые миграции, и на немалые расстояния. В отличие от полярных мышей леммингов они движутся не сплошной массой, но все же достаточно кучно. В большом числе их можно увидеть около рек. Преграду водную белки одолевают вплавь. «Они плыли тысячами, подняв, как свечи, кверху хвосты. У кого хвост намокал – гибли. Но многие Енисей одолели», – вспоминает свидетель одной из миграций белок в Сибири. В некоторых местах белкам приходится двигаться понизу – по земле. Тут к их врагам прибавляются лисы, волки, горностаи, хорьки и ласки. Губят их и болезни. Но все же часть белок «обетованных» кормных мест достигают. Сокращает численность и недолгая жизнь лесных грызунов – в три года белка уже старушка. Ну и конечно, делают свое дело ружье и ловушки. При больших урожаях белок охотник за день добывает их три-четыре десятка (рекорд добычи на Дальнем Востоке – 118 за день!).

Такие прыжки – обычное дело для белки.

На белок охотились с давних времен. Промысел их называется «белкованьем». Беличий мех долгое время составлял половину пушного промысла относительно необжитых лесных зон России. Беличьи шкурки были первыми деньгами на Руси. Но поскольку «кошелек» для этой «валюты» был неизбежно очень большим, в дело постепенно пошел только символ беличьих шкурок – ушки. Денежная единица «полушка» – не что иное, как половина ушка.

Характер у белок занятный. Постоянно находясь вблизи от людей, они становятся небоязливыми, но и не теряющими бдительности животными. (Одна плутовка в Останкинском парке Москвы, заметив, откуда я извлекаю орехи, взбежала по ноге вверх и запустила лапку в карман моей куртки.) Соревнуясь с синицами, белки берут угощенье с ладони, но при этом они всегда готовы, сердито заверещав, броситься наутек.

Когда винтом белка вьется по дереву, сфотографировать ее не очень-то просто. Она тебя словно дразнит, выглядывая лукавым выпуклым глазом из-за ствола, и готова в любой момент улизнуть куда-нибудь по ветвям. Движение, непрерывное движение – характерное состояние в жизни лесного зверька. Белка подобна акробату под куполом леса, бегаёт, лазает, прыгает, не промахиваясь хватает лапками нужный сучок в нужный момент. Средневековые канатоходцы и акробаты считали: высушенный мозг белки добавляет артисту уверенности и устойчивости.

Белки, взятые из гайна и выращенные в неволе, не тяготеют ею, доставляя людям много приятных минут. Но без движенья они увядают и гибнут. Это и побудило придумать беличье колесо. Но не стоит зверьков пленить. В зимнем городском парке проделки белок легко наблюдать, поощряя их кормом. И над лыжной белку встретить – обычное дело. В лесу угощенье она не возьмет, но и не будет от вас панически убегать. Двигайтесь, не упуская

ее из виду, и зимний лес с жизнерадостными поползнями, нарядными снегирями и резвыми белками не покажется вам пустынным.

- **Фото автора. 27 ноября 1998 г.**

Агафья Лыкова долго будет жить

Что случилось со знаменитой отшельницей?

Вчера утром, зайдя в магазин, я был атакован вопросами и соболезнованиями: только что передали по радио – умерла Агафья Лыкова. В трамвае обсуждали эту же весть. В редакции подтвердили: «Звонил корреспондент из Кемерова, сообщил, что какой-то из охотников нашел ее мертвой». Мы приготовились к панихиде: разложили на столе фотографии таежного бытия, мне предстояло сказать посмертное слово в газете. Но неожиданно новый звонок из Кемерова: «Агафья, кажется, жива. Подробности знает администрация Таштагола».

Я немедленно позвонил главе администрации, давнему моему знакомому Владимиру Николаевичу Макуте. Как оказалось, печальная весть заставила его воспользоваться первой же возможной оказией и слетать в Тупик.

«Я только что вернулся. Агафья жива. В «усадьбе» нашел я двух женщин и девочку (дочь одной из зимовщиц). Самой Агафьи в избушке не было. Оказалось, она ушла (одна!) к старой избушке (десять километров в горах) за сеном для коз. Спрашиваю: «А что же вы?» – «Мы – малосильные...» Таковы ее соседи по жизни.

На вертолете до верхней избушки мы долетели за пять минут. И увидели таежницу у вязанки сена. Стали приземляться – Агафья упала на эту вязанку, боясь, что сено унесет ветер. Ну мы немедленно ее – в вертолет. Напихали, сколько могли, сена. И через пять минут были уже в «усадьбе».

Слух о смерти возник по схеме «испорченного телефона»: какой-то охотник сказал другому, что видел Агафью мертвой, а тот передал родственникам Агафьи Лыковой. Весть дошла до Амана Тулеева в Кемерово, и он позвонил в Таштагол: «При первой же возможности побывайте на Еринате». Вот и вся история.

На здоровье Агафья, как всегда, жаловалась, но нелегкий поход за сеном говорит сам за себя. Двое ее «квартирантов» (мать с дочерью) попросили их взять в вертолет. Признались: таежная жизнь не по силам обеим. Зимовать с Агафьей осталась женщина ее возраста, пришедшая сюда «в поисках Бога». Оставили им продуктов. Вам Агафья передавала привет.

Вот так окончилась мгновенно разнесенная электронными средствами таежная весть. Мы облегченно вздохнули и сказали то, что принято говорить в этих случаях: долго будет жить Агафья.

• Фото автора. 25 декабря 1998 г.

Опыт жизни

Окно в природу

Что происходит на этом снимке?.. Два соседа по жизни – гепард и газель (хищник и жертва) в растерянности – каждый не знает, что делать. Малыши. Родители их – за кадром. И там-то каждый знает, что делать: гепард стремится жертву догнать, газель же бежит что есть мочи. Эта малышка газели обречена. Взрослый гепард, берущий детей на охоту, преподаст тут урок, что следует в этом случае делать.

Обычная школа хищников. Но учиться надо не только охоте, школу жизни проходят все высокоорганизованные животные. (Человек же в особенности!)

Все живое рождается с некоторым набором инстинктов, то есть форм поведения, которые наследуются так же, как наследуется форма глаз, головы, ушей, цвета меха и так далее. Низкие животные, например муравьи, пчелы, тысячи разных жучков, паучков, бабочек, живут инстинктами. Их поведение в недолгой жизни лишь в малой степени направляется опытом. Поведение это в целом надежно, иначе вездесущая мелкота давно бы вымерла. Но нередко можно увидеть: наследственная программа действует вопреки обстановке, и мы говорим: «инстинкт слеп».

Высокоорганизованные животные тоже во многих случаях действуют инстинктивно: новорожденный сразу же тянется к соску с молоком; птенец, слетевший с гнезда, сидит неподвижно, и только в этом его спасенье; малыши обезьян цепляются пальцами за шерсть матери, и та скачет по веткам, не беспокоясь, что дитя упадет.

Но жизнь сложна, изменчива. Долго живущему существу многому надо учиться, приспособиваясь к обстановке. И поскольку обстановка и обстоятельства могут меняться значительно, учиться, набираться житейского опыта надо всю жизнь. Копилка инстинктов из копилки опыта пополняется, но по строгим законам – в нее идет лишь то, что тысячекратно проверено временем на множестве поколений. Копилка инстинктов не должна «замусориваться» ничем случайным, в нее кладется лишь то, что в жизни непременно понадобится. Так сложились половой инстинкт, сосательный, хватательный, инстинкт преследования и так далее. Но ко многому высшие животные приспособиваются путем накопления личного опыта. Приобретение его ускоряется подражанием, родительской учебой и ненасытной любознательностью.

Родительская учеба... Молодых гепардов мать берет на охоту, и они учатся приемам добывания пищи. Учеба у хищников начинается часто у логова – мать приносит еще живую добычу и дает ее потрепать детворе. (Так поступают, к примеру, лисы и волки.) И наступают часы охоты, когда молодняк видит, как надо действовать, и постепенно начинает принимать участие в ловлях, в засадах, в преследовании.

Чем выше организовано животное, тем дольше срок его жизни, тем больше опыта надо ему перенять у родителей и постоянно учиться в самостоятельной жизни.

Оба еще не знают суровых законов жизни.

Медвежья школа длится два года. На второй год матери помогает прошлогодний медвежонок «пестун». Он уже многое знает и может в не слишком серьезных делах наставлять младшего. Знакомый охотник рассказывает мне о наблюдении за медведицей и двумя разновозрастными медвежатами. «Мамаша переплыла реку. За ней с небольшой паузой переплыл «пестун», а сеголеток задержался на том берегу. Оглянувшись, мать задала трепку, но не малышу, а его няньке: куда, мол, смотришь, это твоя забота – увлечь малыша в воду. И «пестун» хорошо понял, за что наказан, вернулся и понудил братана переплыть речку».

Но с родителями рано или поздно приходится расставаться. Вот тут-то и начинается суровая школа жизни – все время надо определять, что опасно, что неопасно, что вкусно, что – нет, как следует действовать в меняющихся условиях.

Опытом делятся. Вернее, его перенимают. Классическим стало наблюдение за тем, как синицы, подражая наиболее сообразительным, начинают расклеивать крышечки у бутылок со сливками. А японские макаки вслед за своей приятельницей научились отделять в воде семена от мусора, а потом и мыть корнеплоды. Замечено: открытия, подобные упомянутым, делают особи сравнительно молодые, у которых исследовательская деятельность выражается ярче, чем у тех, кто уже много познал. Но верховодят в группе всегда животные опытные, причем чаще всего осторожная самка. Это наблюдается у слонов. В коровьем стаде тоже верховодит не бык. Волчица, а не волк управляет семейной группой зверей.

Осмотрительные, осторожные волки дают нам примеры заимствования опыта, а также примеры, когда животные доверяют лишь опыту собственному. Все знают охоту с флажками. Волки на ней становятся жертвой своей осторожности и ума. Лось через бечевку с красными тряпками равнодушно перешагнет, а волка флажки пугают, он чувствует в красном этом заборе подвох, опасность и ищет способ флажки где-нибудь обойти. Это и надо охотникам. Спрятавшись, они ждут, когда зверь вдруг появится.

Но вот любопытный случай: «Волчица на облаве сразу флажки перепрыгнула. (Как видно, однажды она это уже проделала.) А партнер ее – матерый волк – прыгнуть боялся. Волчица вернулась в оклад – «Смотри же: никакой опасности нет!» – и прыгнула снова. Но

волк за ней последовать не решился – личного опыта у него не было – и, конечно, попал под выстрел.

Медвежий урок.

Общение с человеком из нетрусливого, наглого зверя сделало существо до крайности боязливое. Большинство животных своих беспомощных малышей самоотверженно защищает. Волчица же, поняв, что логово обнаружено, немедленно перетаскивает щенят в другое укромное место. Если же опоздала, к логову можно подходить безоружным и волчат безбоязненно забирать – мать даже не обнаружит своего присутствия. Длительный опыт общения с человеком сформировал характер у хищника – все, кто пытался волчат защищать, погибли, и вывелась линия боязливых. Их поведение – единственно верное в отношениях с человеком.

Но бывает, врожденный страх перед обликом человека вдруг каким-нибудь образом разрушается, зверь начинает вдруг понимать: тот, кого он смертельно боялся, вполне уязвим. На моего друга, дрессировщика Георгия Георгиевича Шубина, при особых обстоятельствах напал волк Лобан, до этого признававший за человеком полное верховенство. Карьера киноартиста Лобана на этом закончилась. Работать с ним было уже нельзя – человека он не боялся, знал, что может его одолеть.

То же самое бывает с тиграми, леопардами. Многие знают описанный случай, когда леопард в Индии, однажды отведав человечины, больше уже ни на кого не охотился и убил таким образом несколько сотен людей, искусно избегая при этом засад, ловушек, дальнобойных винтовок. Но изощренность эта обреченного зверя спасти не могла – человек умнее и опытнее.

Опыт жизни одних постепенно становится достоянием всей популяции тех или иных животных. Слоны когда-то людей не боялись. С появлением человека с ружьем они стали бояться его панически. Но все тот же житейский опыт научил слонов искать спасения в заповедниках – пересекают невидимую черту и сразу же останавливаются, понимая: тут они в безопасности.

Опыт жизни научил животных не бояться автомобилей. В национальных парках они видят эту «жестянку» с пеленок и принимают за что-то себе подобное, неопасное. Гепарды даже прыгают на автомобили – оглядеть окрестность: нет ли вблизи антилоп?

Но иногда опыт жизни даже человека ставит в тупик. Всем известно, что к корове опасно подходить спереди, а к лошади сзади. Представьте мое удивление, когда на Кавказе увидел: в гору частенько идут, ухватившись за хвосты лошадей. Я с опаской попробовал сделать то же самое – и ничего, лошадь тоже имела жизненный опыт и не лягалась.

Любопытно посмотреть, что оставляет в памяти животных причиненная боль, но во имя их же здоровья. Я уже как-то рассказывал, что в Варшавском зоопарке делали болезненную, но спасительную для орла операцию. Орел выжил. Но умер от разрыва сердца, когда год спустя доктор в белом халате проходил мимо клетки.

А вот что рассказывает давний мой друг, ленинградский профессор Леонид Александрович Фирсов. «Шимпанзе по опыту знала: укол – процедура малоприятная. Но, заболев, она сама протягивала руку, чтобы я сделал укол». Смешную историю рассказали мне в Московском зоопарке. Когда ветеринар, лечивший обезьяну, проходил мимо вольера, шимпанзе поворачивалась и радостно хлопала себя по заду руками. Ветеринар конфузился, но обезьяна всего лишь искренне и непосредственно благодарила за уколы, после которых она, сильно болевшая, выздоровела.

• **Фото из архива В. Пескова. 25 декабря 1998 г.**

1999

КНИГА РЕКОРДОВ ГИННЕССА ПРИЗНАЛА: **«КОМСОМОЛКА» - СУПЕРГАЗЕТА XX ВЕКА!**

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

№ 229 (22308) 1999 г. ОСНОВАНА В МАЕ 1925 г. Цена договорная ISSN 0233-433X

СРЕДА,
8 ДЕКАБРЯ

21 900 000

ЭКЗЕМПЛЯРОВ ЕЖЕДНЕВНОГО ТИРАЖА -

АБСОЛЮТНЫЙ РЕКОРД СРЕДИ ГАЗЕТ МИРА ЭТОГО СТОЛЕТИЯ, ПОСТАВЛЕННЫЙ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДОЙ» В МАЕ 1990 ГОДА

И сегодня мы - самая массовая ежедневная газета России

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ, СДЕЛАЕМ И В XXI ВЕКЕ ТИРАЖ «КОМСОМОЛКИ» РЕКОРДНЫМ!

Курсы: доллар - 26 руб. 82 коп. Вчера 8014 человек посетили страницу «Комсомолки» в Интернете по адресу: www.kp.ru E-mail: kp@kp.ru

Всякая всячина

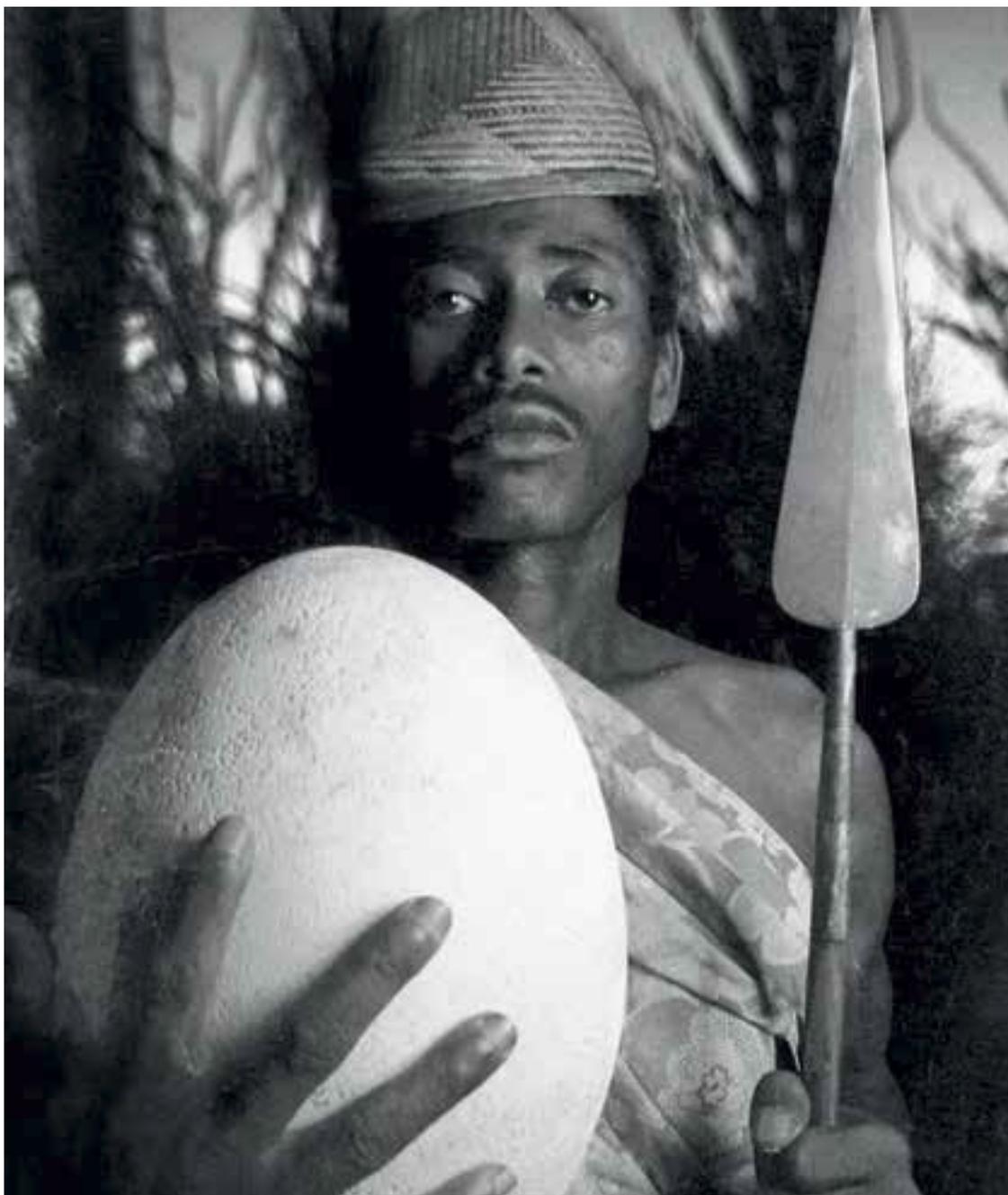
Окно в природу

Как-то, сидя у лампы, я взялся выписывать на листок всякого рода службу животных людям. Тягловая сила, «поставки» мяса, яиц, шерсти, кож, пуха, перьев, мехов, меда и воска, лекарственных средств, навоза для удобрений. Это все продукты животноводства, промыслов и охоты. И это все у нас на глазах. Перечислим еще то, что известно не всем или мало известно. Ну, например, интересный факт: европейские поселенцы (пионеры) в Америке, прежде чем строить ферму, освобождали землю от змей. Каким образом? Брали у соседнего фермера свинью, и за несколько дней она прекрасно с делом справлялась, сама от гремучников не страдая.

Есть еще похожие службы? Сколько угодно. Кошка оберегает нас от мышей, собака – от воров. И много примеров сотрудничества на охоте. Борзые собаки ловят волков и зайцев, норные – лис, кроликов, барсуков. До сих пор сохранилась охота с ловчими птицами (с орлами, соколами, ястребами, даже с полярными совами) на пернатую дичь, на лис, зайцев, даже волков. С прирученными гепардами (в Древней Руси их называли пардусами) охотились на антилоп, со слонами охотились в джунглях на тигров, с хорьками – на кроликов, с бакланами – на рыбу.

Можно вспомнить примеры разной другой службы человеку животных. Почтовые голуби еще недавно были распространенным средством надежной связи. С помощью соколов отпугивают птиц от аэродромов. В Московском Кремле ручных соколов иногда выпускают пострасцать надоедающих и портящих позолоту на храмах ворон. Обезьян в тропиках приучают лазать по пальмам и сбрасывать вниз орехи.

В медицине много сегодня лекарств синтетических, полученных химиками. Но изначальная основа медицины – лекарства животного и растительного происхождения. Все немислимо перечислить, назовем лишь мед пчелиный и змеиные яды, муравьиную кислоту, пиявок, вытяжку из пантов (молодых мягких рогов) оленей, медвежьей желчь. Многие лечения, связанные с животными, известны с древности. Греки пускали в бассейны скатов и разрядами «живого электричества» исцелялись от некоторых болезней. А на Севере люди давали вылизывать раны собакам. И это была надежная дезинфекция бактерицидной слюной. Пчел и сегодня радикулитчики сажают на поясницу, от той же болезни растираются мазями со змеиными ядами. Пиявки, вытесненные было из практики химическими средствами, вновь сейчас применяются.

Яйцо вымершей, жившей на Мадагаскаре птицы эпиорниса. Сколько еды сразу! А скорлупа служила посудой.

Древняя медицина, впрочем, оставила множество мифов о чудодейственных исцеляющих средствах, какими они не являются. Так, на Востоке стойко держится вера в целебные свойства всего, что можно взять у убитого тигра, – кожа, кости, внутренности, зубы, когти, даже усы. Несчастьем для носорогов стали рога, будто укрепляющие мужскую силу. Этот миф может стать причиной исчезновения древнейшего животного на земле.

В быту человек с древних времен использует части убитых животных. Из турьего рога пили вино, хранимое в бурдюках из бараньих шкур. Части оленьих рогов служили древним копьём, мотыгой, пешней. Перья птиц во всех частях света были украшением одежды, из них делались опахала, метелки, ими набивались подушки, перины. Для райских птиц, страусов и белых цапель яркое оперенье едва не стало причиной их полного истребления – ими украшались шлемы рыцарей и шляпки женщин. Гусиные перья не так уж давно были глав-

ным пишушим инструментом и заготавливались миллионами штук. Иглы дикобразов древние золотили для булавок в прически модниц. На гребни женщинам шли панцири черепах. Из обломков кораллов делали бусы. Ярких жуков девушки Южной Америки до сих пор, как брошки, укрепляют на платья и в волосах. Волосы колонка идут на кисти художникам. Хвост зебры был в Африке символом власти местных князьков. Пестрые, не часто встречающиеся, маленькие ракушки служили индейцам тлинкитам (Аляска) деньгами. Высушенные и тщательно размятые морские губки использовались древними в банях, ваннах и туалетах.

Слоновьи бивни стали бедствием для самых крупных сухопутных животных. Из слоновой «кости» делали бильярдные шары, клавиши для роялей и всякого рода дорогие резные поделки. Несмотря на засилье пластмасс, бивни в цене по сей день.

Кое-что в наше время кажется экзотическим и курьезным. В Африке для стягивания краев раны использовали муравьев-портных. Индейцы в Америке, чтобы скрытно двигаться ночью, не теряя друг друга из вида, привязывали к ногам светлячков. На Руси знаменитые красные (червленые) щиты покрывались естественным веществом, добытым из «червецов». А японцы еще в прошлом веке готовили для военных порошков из сушеных светящихся рачков – незаметного издалека света вполне хватало для чтения донесений и карт. Жесткой шероховатой акульей кожей пользовались так же, как пользуются сейчас наждачной бумагой. А тонкая шлифовка дерева делалась порошком из хвоща (в древнем этом растении – кремний).

И в заключение – о том, что многих животных люди всегда держали рядом с собой для потехи и удовольствия. В русских домах и трактирах нынешней музыке «из ящиков» предшествовало пение птиц – соловьев, канареек, чижей, варакушек. В деревнях скворечники возле домов стали вешать, вначале не думая о пользе для сада и огорода, а чтобы видеть рядом жизнерадостного певца. Большие ярмарки раньше обязательно посещали люди с ручными медведями. В Нижегородской области, в городе Сергаче, существовал экзотический промысел. Сюда из разных мест лесной стороны привозили осиротевших маленьких медвежат. Тут зверю продевали в ноздри серьгу (отсюда название городка) и обучали всяким премудростям веселить люд. Диковинных, из дальних земель зверей в Европе показывали за деньги или просто для просвещения народа водили по улицам. Так постепенно родились цирки и зоопарки.

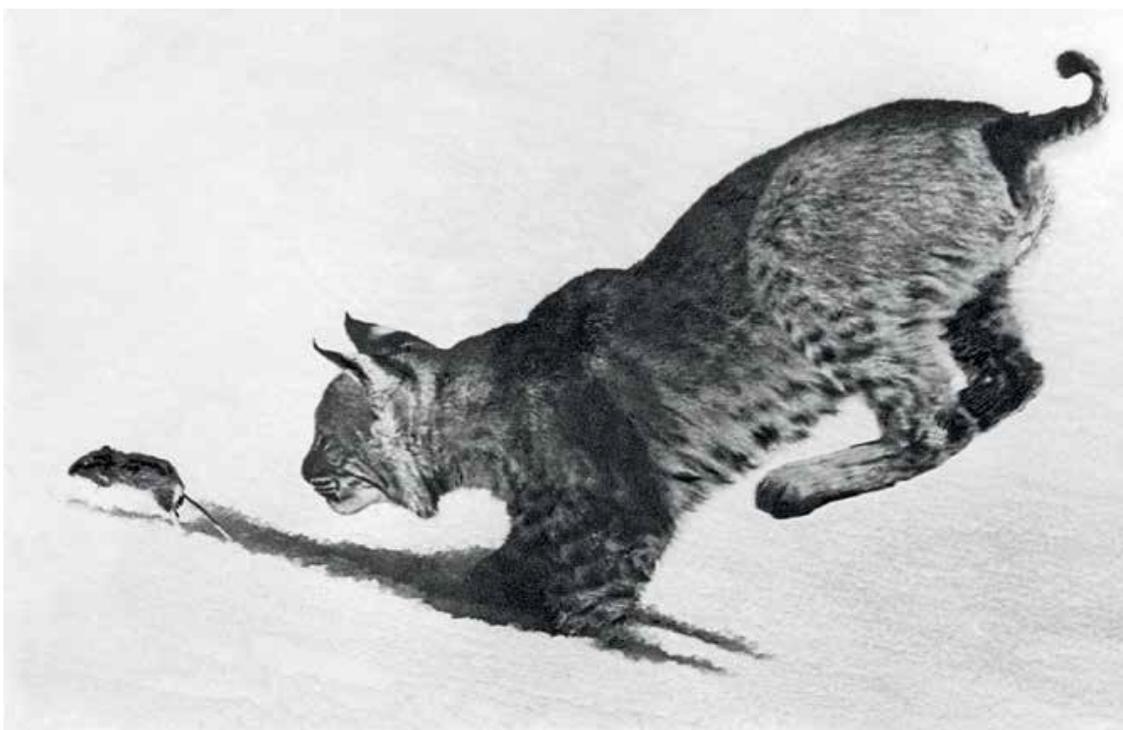
Вся история рода людского проходила рядом с животными. На минуту представим себе, что нет на земле ласточек, светлячков, жирафов, лягушек, стрекоз, слонов, воробьев, муравьев, лисиц, крокодилов, зайцев, божьих коровок... Ну что за жизнь была бы без этих милых соседей?

• **Фото автора. 22 января 1999 г.**

Лесной сфинкс

Окно в природу

Речь сегодня пойдет о рыси. В дикой природе этого зверя я видел всего один раз. На Аляске мы ехали по Кенаю – необычайно живописному полуострову. Глядели чуть поверх леса на синюю череду гор. Вдруг шофер плавно притормозил и торжественным шепотом произнес: «Лунх...» (Рысь). Прямо возле дороги, метрах в двадцати от машины, стоял и спокойно разглядывал нас поджарый, несколько неуклюжий на длинных ногах коричнево-серый зверь. На снегу четко выделялся его силуэт. Рысь... Столь близкая встреча у дороги с охотником грозила бы рыси потерей красивой шубы. Но сейчас она словно бы понимала: опасности нет. Она разглядывала нас без малейшего беспокойства и не бросилась в лес, темневший у нее за спиной, а шагом, неторопливо пересекла дорогу. Длинные ноги рыси напоминали ходули, но движения были неторопливыми, плавными. Зверь даже не оглянулся, без спешки и паники растворился в заснеженном мелколесье.

Финал охоты.

И много раз я видел этого зверя вблизи в неволе. Но и тут рысь никогда не была суеливой. Даже к лакомой пище подходила она неспешно, брала ее в зубы так, как будто делала тебе одолжение. Часто я видел зверя спокойно сидящим, с устремленным куда-то вдаль взглядом. Выразительные глаза, окаймленные светлым мехом, наостренные уши с черными кисточками волос на концах и бакенбарды делают этого зверя необычайно красивым. Я даже с улыбкой подумал однажды: носить бакенбарды людей надоумили рыси.

Одна из знакомых мне рысей была настолько покладистой, что позволяла заходить к ней в просторную клетку. Входил я на цыпочках, но опасенья были напрасны. Кошка вела себя так, как будто меня и не было. Ее почему-то интересовал ремень на моей фотографи-

ческой сумке. Она его нюхала и пробовала на зуб. А я сидел не дыша – любовался переливами дымчато-рыжей шерсти с редкими пятнами, белым мехом подбрюшья, бакенбардами, кисточками на ушах и лапами-снегоступами.

Ноги у рыси мощные. Кажется, при «пошивке» этого зверя больше всего материала природа употребила на ноги. Когтей на лапах не видно. Они у рыси, как у всех кошек, «в рукавичках», и на снегу при круглом следе отпечатка когтей не увидишь. Зато о когтях хорошо знают зайцы – главная добыча рыси.

Величина рыси – средних размеров собака. Но это типичная кошка – ночной образ жизни, терпеливость в засаде, стремительность в нападении. Отличный у рыси слух, и повадки кошачьи – независима, осмотрительна. Так же, как кошки, имеет слабость к валерьянке. («Откапывает и ест корни и потом, одурманенная, забыв обо всем на свете, валяется».) Коты у рысей перед весной на свадьбах дерутся, громко мяукают и орут, как наши мартовские коты.

Зоны обитания рыси на земле велики: северные леса в Европе, тайга в Азии, север Америки, включая Аляску. Но рысь повсюду немногочисленна, и по мере проникновенья людей на север зверей становится меньше и меньше, ибо почти не бывает случаев, чтобы, встретив рысь, человек не пустил в ход ружье. На человека рысь тоже может напасть, но бывает это исключительно редко – раненая или преследуемая.

Родственники, между прочим!

На юге у лесной кошки есть родственница – пустынная кошка каракал. Глядя на каракала, сразу обращаешь внимание на уши. Они большие и тоже с кисточками – чтобы выжить в пустыне, надо особенно хорошо слышать. И в ловкости поджарый, кажется, худенький каракал, пожалуй, рысь превосходит – «подпрыгнув, ловит на лету птиц».

А наша северная соседка предпочитает леса запущенные, непролазные, особое предпочтение отдается местам каменистым. Логово рыси-матери находят нечасто – так искусно

оно запрятано. Все же известно: у рыси бывает от одного до четырех котят (чаще – два). Как у волков, самец помогает матери воспитывать детвору. Возмужав, котята вместе с родителями начинают охотиться, постигая науку жизни в лесу. (Родившихся в мае рысят к октябрю уже от взрослых не отличишь.)

Рыси – неутомимые ходоки, хорошо плавают, великолепно лазают по деревьям, терпеливы в засадах. «Сутками могут сидеть неподвижно на ветке. Все внизу у них на ладони, их же заметить почти невозможно». Рыси предпочитают держаться насиженных мест, но при скудности дичи им приходится рыскать – ходить, искать пропитанье. В семейных группах тактика у них волчья: идет след в след и охотятся вместе – законом. Так же, как волки, в азарте убивают больше, чем могут съесть, а иногда, сытые, бросают добычу, даже «не пригубив».

В южной тайге, где выбор дичи для умелых этих охотников очень велик (кабарга, косули, молодые лоси, олени, тетерева, глухари, рябчики и, разумеется, зайцы), рыси не бедствуют. Но в северных зонах, где жизнь бедновата, главное блюдо на столе рыси – зайчатина. Лесная кошка исключительно приспособлена к охоте на этих тоже короткохвостых зверьков – резко преследует бегом и делает большие прыжки, ловко повторяя предсмертные метания жертвы. Один зайчик в сутки – норма для рыси.

Свирепо преследуют рыси лисиц (пищевой конкурент!), но, убив, есть не будут, бросают. Волки к рыси относятся так же, как она к лисам, – преследуют очень настойчиво, но из-за пищи. Рысь ищет обычно спасенье на дереве. И если оно высокое – все в порядке, кошка будет с презрением сверху посматривать на волков. Но если деревце низкое, волки из кожи вылезут – будут прыгать, дергать зубами ветки, чтобы вынудить кошку прыгнуть на землю. Прыгнула – тут и конец. Волки очень любят рысятину. И не случайно.

На Аляске, когда я стал рассказывать индейцу-охотнику о встрече с рысью на кенайской дороге, собеседник мой закивал головой: «Да, да, повезло...» Тут же индеец отправился в сени и вернулся с куском замороженного беловатого мяса. Пока мы всласть говорили о том о сем, мясо жарилось на огромной чугунной «аляскинской печке». Продолжая беседу, сели за стол. Я похвалил угощенье, понимая, что это дичина. Но какая? Оказалось... рысятина. Охота на кошку ограничена на Аляске. Индейцам-аборигенам разрешают добыть одну рысь в год на отведенном участке. Но даже самым ловким в мире охотникам это не всегда удается.

Готовясь сесть за эти заметки, я прочел: рысье мясо высоко ценилось когда-то и европейцами. В средние века рысятина подавалась в замках на званых обедах. Удачливые охотники отправляли дорогую дичину знатым вельможам. На Венском конгрессе (1814 год, праздник победы над Наполеоном) во время застолий подавалось жаркое из рыси.

Повадки рыси изучены недостаточно хорошо. «Ночной зверь, днем отсыпается...» Но ведь именно днем рысей только и видели, как ночью увидишь? «Рысь требовательна в еде – к обедкам своим не вернется». Но вот другое свидетельство: «Возвращается! Грызет промерзшее или протухшее мясо». «Предельно осторожна...» Верно. Но, с другой стороны, описано много случаев, когда рыси беспечно выходили к дорогам, заходили в поселки. В Ярославской области лесник мне рассказывал, как с изумленьем увидел однажды рысь на крыше сарая. Брем постоянно подчеркивает: нетерпима к кошкам, разрывает немедленно. Но я на зообазе в Петушках Владимирской области лет двадцать назад сделал снимок: все местные кошки были в гостях у рыси, сидевшей в клетке, а четыре мурки лежали на мягком боку у рыси, как на матрасе.

«Загадочный зверь», – сказал юконский индеец. С этим соглашаются все, кто хоть сколько-нибудь наблюдал за лесной кошкой. Но в упомянутых противоречиях можно и разобраться. Да, предпочитает свежую пищу, когда ее много – бросает несъеденное. Но, как говорится, не всегда коту масленица. Бывают у рыси и голодные дни – возвращается и к обедкам. Предельная осторожность и вроде бы лопухость – забраться на крышу сарая... Но

особого противоречия тут нет. Рысь – ярко выраженная дикарка, не очень-то человека боящаяся. Врожденная осторожность сочетается в ней с особенной любознательностью, свойственной многим животным. И, наконец, – кошки... Вот тут не знаю, что и сказать. Снимок передо мной. Возможно, от невольничьей скуки лесная кошка проявила гостеприимство к явной родне. А возможно – особый характер. Животные ведь, как и люди, имеют характеры заметно разнящиеся. Красота, выразительный облик рыси... Многие годы в фильмах о животных рысь была обязательным персонажем. В одном фильме, помню, снимали взрослого зверя. Режиссер (кажется, Бабаян) называл рысь эту гением – «Почти как человек понимает, что от нее хочешь». Но однажды «гениальная» рысь, забыв о съемках, пошла, пошла... и скрылась в лесу. Ждали: вернется. Нет, не вернулась. Судьба? Скорее всего, «актриса» погибла. Не приспособленные с детства к жизни в дикой природе хищники погибают. Но съемки были продолжены. На эти случаи киношники держат зверя-дублера. Но у дублера, хотя и был он братишкой ушедшей рыси, таланта актерского не было. «То, что прежде делали за день, сейчас делаем две недели», – горевал режиссер. Характеры! Они разнятся у всех животных, но у рысей разнятся, возможно, немного больше. Отсюда – «сфинкс», загадочный зверь.

• Фото В. Пескова и из архива автора. 5 февраля 1999 г.

Белый скиталец

Окно в природу

Говоря строго, он не совсем белый, он кремовый, желтоватый, иногда почти соломенного цвета. Но бывают моменты в начале зимы, когда он действительно белый, и его непросто различить среди льдов. Белый медведь – самый крупный и самый сильный из всех хищников земли. И обитает он в особых условиях, что называется, на пределе жизни. Его можно встретить на побережье Ледовитого океана, на покрытых льдами пространствах вплоть до Северного полюса и в открытой воде.

Именно плывущим я увидел медведя, когда во время ледовой разведки близ острова Врангеля челноком мы летали на высоте шестидесяти метров. Шум самолета его не смутил. Он не нырнул (хотя мог бы), не повернул в сторону. По прямой линии плыл он строго на северо-запад, уверенный, что где-то за горизонтом наткнется на ледовую твердь.

Белый медведь – близкая родня бурому. Несомненно, у них общий предок. В зоопарках, скрещиваясь, медведи дают гибриды, способные к размножению. Но внешне медведи не очень похожи. Белый по сравнению с коренастым, как бы не имеющем шеи увальнем – бурый медведь имеет тело прогонистое, гибкое. Это особенно хорошо видно, когда нырнувший медведь под водой проделывает сложные пируэты, характерные больше для выдры, чем для огромного зверя.

Полярный медведь исключительно приспособлен для жизни во льдах. мех с плотным подшерстком и толстый слой жира сберегают медведя от холодов. Ступни у зверя покрыты волосом, что не дает им примерзнуть ко льду. Специализировано питание этого зверя. Главная его добыча – тюлени. Неспешно двигаясь во льдах, он все время осматривается: не мелькнет ли темное пятнышко? К лежащим на льду тюленям медведь искусно подкрадывается. Легче всего это делать ему в торосистых льдах. Но и по открытому молодому льду медведь приближается на верный бросок – скользит, буквально распластавшись на животе и отталкиваясь задними лапами. Утверждают: для маскировки передней лапой он прикрывает черный свой нос. К тюленям может приблизиться и по воде, толкая перед собой для маскировки льдину или погрузившись в воду так, что виден лишь нос.

Люди рядом, а зверь невозмутимо спокоен.

Есть в Ледовитом океане так называемое «кольцо жизни» – широкая полоса открытой воды, повторяющая изгибы подводного арктического хребта. Тут много рыбы, а это корм для тюленей. Тут летом найдет пищу и белый медведь.

Но во льдах всюду есть трещины, и медведи бродят по всему океану, не исключая района полюса, и, полагают, за жизнь (ее срок двадцать – двадцать пять лет) медведь не один раз бывает у берегов Канады и у наших северных побережий.

У кромки суши медведи подбирают все, что выбросит океан. Везенье особое для зверей – наткнуться на тушу мертвого кита. Тут на пир собираются они во множестве. Несколько лет назад у поселка Биллингс около тридцати медведей, сожрав кита, пожаловали к людям, заставив забаррикадироваться их в домах.

Голодные звери едят что попало. В желудках убитых медведей находили веревки, резину, тряпки. В Канаде, на юге Гудзонова залива, в местечке Черчилл медведи облюбовали свалку и ежегодно к ней собираются, как на ярмарку. Их не страшит огонь сжигаемых отбросов. Закопченные, с опаленным мехом, они возятся в мусоре и так же, как в Биллингсе, пугают жителей Черчилла. Зоологи в специальных ловушках на самолетах увозят медведей далеко в океан, но каждый год они собираются снова.

Любопытно, что на огромных ледовых пространствах у медведя есть добровольные спутники, скрашивающие его одиночество, – песцы и чайки. Им достается кое-что со стола «лидера», и они вверяют ему судьбу, по мере сил помогая искать добычу.

К осени звери стремятся приблизиться к суше и иногда заходят на нее далеко (пересекают, например, полуостров Камчатку). На суше медведь ест мышей, птичьи яйца, ягоды, веточки ивы, траву и все, что попадает под руку. Но на суше морской бродяга чувствует себя не очень уверенно и спешит поскорее (медведи великолепные навигаторы!) на свой любимый, покрывающий океан лед. Ко льдам медведям приходится иногда плыть. Мех и жир делают тело зверя непотопляемым, и он десятки километров может двигаться по воде с такой

же легкостью и с такой же скоростью (четыре-пять километров), с какими двигался бы по льдам.

На суше медведи ложатся на зиму в берлоги. Беременные самки ложатся обязательно. Самцы же – по обстоятельствам. Голодно, холодно – лягут. А если терпимо, то бродят во льдах и зиму, лишь в пургу и при сильном морозе могут свернуться калачиком и дают снегу засыпать себя. Так в полусне коротают они особо суровое время.

У медведиц для берлог на суше есть излюбленные места. Два из них хорошо известны зоологам – Земля Франца-Иосифа и остров Врангеля. Тут ежегодно десятки белых медведиц лежат в снегу не менее пяти месяцев, и в это время в снежном убежище, обмятом боками матери, появляются крошечные, беспомощные медвежата. В марте – апреле медведица, предварительно оглядевшись, выведет их на прогулку, а дней через пять прямым путем семейство идет знакомиться с кромкой ледового океана, по которому подрастающим малышам предстоят пожизненные странствия.

Медвежат обычно бывает два, изредка – три, очень редко – четыре. Два с лишним месяца медведица кормит их молоком и постепенно начинает приучать к мясной пище. Как ни странно, главная опасность для медвежат в это время – папаши-самцы. Каннибализм – родовая черта медведей, и медведице-матери надо быть постоянно настороже.

Жизнь медведя во льдах однообразна и монотонна. Зверь этот – вечный скиталец, озабоченный поиском пропитанья. Он специализирован для жизни в ледовой пустыне и психически организован более «прямолинейно», чем бурый его собрат. Он молчалив, несуетен, бегаёт редко (это ему и не нужно), но великолепно лазает по льдам и снежным откосам, с высоты нескольких метров может прыгнуть не только в воду, но и на лед. ныряя, он способен пробыть без воздуха две минуты и успевает за это время загрести лапами водоросли и положить на зубок все, что под руку попадет. Он исключительно неприхотлив, в том числе и в неволе. Любопытен, осмотрителен. Наткнувшись на лежку моржей, он, зная силу бивней этих зверей, на рожон не полезет – зайдет с наветренной стороны, своим запахом посеет панику, а когда моржи, подминая молодняк, ринутся к воде, спокойно подберет на лежке мертвых и изувеченных. Сила у зверя огромная – полутонную тушу моржа он втаскивает в зубы на взгрок.

Общества себе подобных медведь не ищет. Но известны случаи, когда одновозрастные медведи путешествуют парой – вместе охотятся, отдыхают, иногда затевают состязания в силе. Однако в брачную пору в присутствии самки вчерашние друзья могут стать и врагами. Обычно медведь молчалив, но брачные встречи у этих зверей сопровождаются ревом и драками. Победитель в состязании партнеров с самкой проводит полторы-две недели, спариваясь десять – двенадцать раз в сутки.

Пространства Севера велики. Все же у побережий медведи и люди с давних времен знают друг друга. Русские поморы называли медведя «ушкой». (Не потому ли лихих молодцов в Великом Новгороде называли ушкойниками – охотниками на белых медведей?) Люди северных побережий издревле охотились на медведей из-за мяса и шкур, поражая сильного зверя стрелой из лука. Бурый медведь такую охоту не допустил бы, а белый не очень опасен, миролюбив. Так считают аборигены Севера. Эти свойства характера делают зверя легкой добычей людей.

На Аляске я видел охотника возле шкуры медведя, натянутой на огромную раму. Старик Роджер Анингаю скребком удалял с нее жир и с удовольствием рассказал мне, как он увидел медведя в бинокль, как крался во льдах, как стрелял из винтовки с оптическим прицелом. Все было просто и безопасно, не то что охота с луком.

Той весной три медведя нашли свой конец близ поселка Гэмбел. Три огромные шкуры, как паруса, шевелились на рамах-растяжках. Легко было представить владельцев этих одежд живыми. Красавцы! Властелины льдов и пространств! Теперь шкуры их за хорошие

деньги продадут заезжим туристам. А эскимосы будут опять ощупывать биноклями льды – не мелькнет ли белой тенью медведь?

Полярный зверь занесен в Красную книгу исчезающих животных. На сегодня число их как будто несколько возросло. По приблизительным подсчетам, в Арктике сейчас обитают двенадцать – пятнадцать тысяч медведей.

- **Фото из архива В. Пескова. 5 марта 1999 г.**

Ритуал

Окно в природу

Немецкие генералы, вспоминая войну, рассказывали, что они накануне вторжения в нашу страну внимательно наблюдали через границу за Брестской крепостью и не заметили признаков беспокойства у завтрашних своих противников. «Под звуки оркестра проводился развод караула». Подчеркнем эту важную для нас строку – развод караула под звуки оркестра. Зачем нужен этот бывший тогда обычным воинский ритуал? Прежде чем ответить, скажем: сейчас оркестры при разведении караула вряд ли играют. Но соблюдается тем не менее торжественная приподнятость момента, соблюдаются некоторые ритуальные формы развода. Все объясняется просто. Заступающий на пост должен эмоционально почувствовать важность, серьезность часов в карауле. Ритуал как бы отделяет суету прошедшего дня от всего предстоящего. Разводя караул, нельзя крикнуть: «Иванов, ты станешь тут, а ты, Петров, – тут. В двенадцать – смена!» При подобной небрежности чувство ответственности не возникает. Вот зачем играли оркестры и звучит торжественный голос при разводах караульной команды.

Брачный ритуал альбатросов.

Можно привести другие примеры важности ритуала. Родился ребенок, его крестят, дают имя – обозначается начало жизненного пути человека. Пришло время человеку жениться (выходить замуж) – опять ритуал, уже более торжественный и публичный – венчание, свадьба. Это тоже некий «оркестр», дающий возможность двум людям, начинающим совместную жизнь, осознать, запомнить ответственность предстоящего.

Пример ритуала более частого, бытового – обычай присесть перед дальней дорогой. Он тоже исполнен смысла – осознай: с этой минуты начинается нечто новое, будь собран, внимателен. Кроме того, сборы в дорогу – это всегда суматоха. «Минута сидения» помогает прийти в себя, вспомнить в последний момент о чем-то, в суматохе забытом.

Обращаясь к природе, мы и тут видим множество ритуалов, помогающих регламентировать отношения между животными, оберегающих течение жизни от ошибок и сбоев.

Лет пятнадцать назад я гостил в пушкинском сельце Михайловском. Сюда, как в более спокойное место, переселилась откуда-то колония серых цапель, и я два дня просидел в зарослях, наблюдая своеобразную жизнь сообщества, у которого в гнездах как раз появились птенцы. У цапель птенцов воспитывают оба родителя. Один улетает за кормом, другой стережет гнездо. Не бывает минуты, чтобы птенцы оказались бы беспризорными. И чтобы этого не случилось нечаянно, каждая пара цапель соблюдает одинаковый ритуал. Вернувшегося с кормом партнера цапля встречала приветственным криком, и лишь после того, как в ответ раздавался ответный крик, а прилетевший садился к гнезду, прежний сторож улетал на охоту. Этот порядок был хорошо заметным и походил на обмен сигналами часовых: «Пост сдал!», «Пост принял!»

А недавно, читая о жизни белых цапель, я без удивления обнаружил: эти в соблюдении правил охраны гнезда пошли еще дальше. Готовая улететь птица протягивает партнеру веточку и лишь тогда улетает, когда видит, что веточка по всем правилам принята. Важность момента фиксируется предельно четко.

Важную роль ритуалы играют в брачных отношениях у животных. Не всегда дело решают драки самцов. Многие самки могут сказать яркое, красочное оперение ухажеров. И дело не только в том, что у животных есть, как считают, некое «предэстетическое чувство». Избыток жизненных сил посредством гормонального механизма расцветивает некоторых самцов всеми цветами радуги. Демонстрация этих нарядов – верное средство обратить к себе чье-то чувство на ярмарке женихов.

Пингвин в отличие от ярко окрашенных рыб, фазанов, радужных райских птиц и отличающихся синевой краснобровых тетеревов всегда во фраке с белой манишкой. Но поза! Подняв клюв кверху, пингвин как бы выставляет себя напоказ: глядите, какой я стройный, какие у меня крылья для плавания, какой я упитанный. Этого бывает довольно, чтобы состоялась помолвка.

Драк между самцами у пингвинов я не наблюдал. Но есть у пингвинов адели ритуал – демонстрация преданности избраннице. Каждый пингвин старается принести к месту, где села на яйца его подруга, камешек. В Антарктиде камешки – дефицит. Подношение ценится. Не важно, что в момент охоты пингвина за камешком его собственное гнездо тоже подвергается невинному грабежу. Важно, что соблюдается ритуал: «Мы выбрали это место, мы тут остаемся, мы будем заботиться о птенцах!» Вот что значит суета с камешками.

Иногда ритуал служит как бы проверкой способностей папы в воспитании птенцов. Самочка, прикидываясь птенцом, выпрашивает еду. И ухажер тут как тут с подношением. Зимородок приносит рыбку, другие птицы – гусеницу или муху.

В дикой природе все живет в постоянном напряжении, и очень важно, чтобы партнер по выведению потомства был ловок, здоров, вынослив. Без этих качеств наследство выйдет худое, да и вырастить его будет трудно. Жизнеспособность животных выявляется в брачных турнирах. Но право на продолжение рода утверждается не только дракой, но и песней, и ритуальными танцами, в которых отличаются, например, журавли. Это не только избыток весной нахлынувших чувств, но и демонстрация жизнеспособностей птицы.

Природа заботится и о том, чтобы не было спаривания между близкородственными животными. Изредка это может случаться, но чтобы сбои такого рода не стали частыми и обычными, чтобы не рухнули миллионами лет накопленные наследственные программы поведения, каждый вид имеет какой-то опознавательный знак – характерный облик, характерную метку на перьях или на шерсти, характерную песню. Но часто лишь тонкости поведения не допускают ошибочных связей. Водяной козел в Африке, приближаясь к самке, задирает голову – демонстрирует белое пятно на горле. Газели Томпсона и Гранта (Африка) часто

пасутся рядом и так похожи, что отличить их можно только по росту. Однако бес никого тут не путает. Самец газели Томпсона приближается к самке с высоко задранной головой и рогами, как бы положенными на спину. Жених же газели Гранта идет на свиданье, держа рога свечками вверх. Этого и довольно, чтобы не было заблуждений.

Но у некоторых животных ритуал «признания своих» сложен и походит на встречу двух агентов-разведчиков, проявляющих предельную осторожность. Для примера всегда приводят ритуал, предшествующий спариванию у странствующих альбатросов. «В этом процессе используются зрительные и слуховые стимулы. Церемония начинается с вытягивания шеи и щелканья клювом. Затем птицы в горделивых позах кланяются, вытягивают шеи и пощипывают друг друга. Затем самец кружит вокруг самки с распушенными крыльями, а она поворачивается на месте, все время на него глядя... Если в этом небыстром процессе кем-то какая-то деталь ритуала упущена, брачный союз альбатросов не состоится. И дело, видимо, не только в «идентификации», в узнавании представителя своего вида, но и в чем-то более сложном, закодированном в ритуале.

Так же, как у людей, ритуалы регулируют сложные отношения в социальных группах животных. Тут действует иерархия, где «нижний подчиняется верхнему», и чтобы эта система рангов работала без больших напряжений, существует множество ритуалов, все хорошо регулирующих. Например, в стае хищников есть верховная особь «альфа». Оскаленные зубы «альфы» требуют признания верховенства, и тот тут же следует. Более слабый валится на бок и подставляет более сильному самое уязвимое место – шею. Этот ритуал, длящийся три-четыре секунды, гасит любую агрессию.

Младшее поколение в социальных группах животных выражает почтение старшим облизыванием их морды. Подобные знаки внимания принимаются как должное. Когда ваша собака дотягивается лизнуть вас в щеку или облизать хотя бы руки – это и есть ритуал признания, подчинения, готовности служить.

Подобное можно увидеть не только у крупных животных, но также и у общественных насекомых, где тоже есть иерархия и, значит, есть знаки признания «нижними» «верхних». У некоторых ос при встрече двух самок одна обязана отрыгнуть более «высокопоставленной» своей подруге толику пищи. Это ритуал подчинения и господства.

Ген подобного поведения с изначальных времен, несомненно, несут в себе также и люди. Раболепство некоторых человеческих особей часто видишь невооруженным глазом. Одни люди стыдятся этого, «выдавливая из себя раба по капле», другим хоть бы что, уподобляются курам, где иерархические ритуалы особенно хорошо видны. Есть одна курица, которую никто не клюет, есть вторая, которую клюет первая, а она клюет всех остальных, кроме первой, и так далее вниз по лестнице. А в самом низу есть безответная бедолага, которая никого клюнуть не может, а ее клюют все. Море людских отношений регулируют законы, мораль, этика, но много еще в человеке всего, идущего от древней природы его.

• **Фото автора. 11 июня 1999 г.**

Невелик, но опасен

Окно в природу

В жаркое лето мир насекомых, клещей, пауков активизируется – быстро плодится, стремится расширить места обитания, повсюду о себе заявляет. Нашествие ос, божьих коронок и муравьев – явление безобидное. А есть нашествия, вызывающие тревогу. Нынешним летом на юго-востоке России после долгого перерыва появились полчища саранчи. В Ростовской области вспыхнула опасная эпидемия болезни, в распространении которой подозревают клещей. В Сибири наблюдались вспышки клещевого энцефалита (воспаления у людей головного мозга).

Клещи, даже обычные, не переносящие болезни, хороших эмоций не вызывают. Эти паразиты, вцепившись в теплокровное существо – будь то мышь, птица, собака, олень, человек, – буквально раздуваются от его крови. Все знают: от клеща трудно освободиться. Некоторые животные, изгибаясь, скусывают мучителей, но не всегда их достанешь. Жертву они покидают, когда, что называется, до отвала напьются крови. Некоторые из клещей раздуваются до размеров голубиноного яйца.

Потеря крови, однако, не главная беда, приносимая кровососами. Некоторые клещи разносят опаснейшие болезни, в том числе открытую в 30-х годах и названную клещевым энцефалитом.

В 1958 году в поездке по туркменским полупустыням я встретил противочумную экспедицию и задержался в полевом ее лагере. Экспедицией руководил замечательный человек – Евгений Николаевич Павловский, генерал, академик, всемирно известный ученый-паразитолог. Это был уже седой, высокого роста человек, одетый в солдатскую гимнастерку, неприхотливый в полевой жизни и простой, несмотря на известность и многочисленные награды.

У вечернего костра говорили о многом и дошли наконец до энцефалита, о котором я слышал, но совершенно не знал, что это такое. И Евгений Николаевич рассказал.

В середине 30-х годов из Сибири стали приходить тревожные вести. Геологи, топографы, геодезисты, строители новых городов и поселков повально заболели таинственной хворью, приводившей к параличу, потере памяти, равновесия и часто – к смерти. Случалось, в тайге погибали целые отряды исследователей. Вертолетов и радиостанций в то время не было, вести с места работ приходили, когда таинственная болезнь свалила с ног весь отряд.

В 1937 году на Дальний Восток была срочно отправлена экспедиция ученых, перед которой стоял серьезный вопрос: выявить причину заболевания и найти способ лечения. Руководил экспедицией Евгений Николаевич Павловский.

Выяснилось: местным жителям болезнь была известна под названием «таежная хворь», но сильно от нее они не страдали, и жестоких последствий не наблюдалось. Опытные паразитологи догадывались, что местное население получало естественную прививку против болезни и становилось к ней маловосприимчивым, тогда как пришлых в таежные дебри болезнь буквально валила с ног, делала инвалидами. Ясно было: болезнь распространялась кровососущими организмами, но в тайге их десятки. Кто конкретно виновен? С риском для жизни (несколько ученых экспедиции, заболев, умерли) после кропотливых исследований распространитель болезни был выявлен. Им оказался клещ (три вида клещей), названный энцефалитным. Это он переносит вирусы страшной болезни.

Клещ собственной персоной.

И сами клещи, и мельчайшие представители живой материи вирусы – существа древнейшие. Вирусы люди сумели обнаружить и разглядеть лишь в этом столетии, клещи же были известны давно. Аристотель полагал, что «клещи зарождаются из ползучего пырея». Сегодня мы знаем: как все животные, клещи развиваются из яиц, отложенных самкой. Но для этого ей непременно надо напиться чьей-нибудь крови. Есть клещи «стационарные», живущие в птичьих гнездах, в норах мелких животных. Но немало кровососов и странствующих. Причем сами они пассивны – на большие расстояния передвигаться не могут, но в качестве «пассажиров» на чьем-нибудь теле расселяются хорошо. Жертву свою – мелких и крупных животных, а также людей – клещи поджидают в лесу, на вырубках, у звериных троп и таежных дорожек. Малейшего прикосновения достаточно, чтобы клещ, сидящий на конце ветки куста или сухой траве, вцепился во что-нибудь движущееся. Путешествуя, он непрерывно дня три пьет кровь и потом отваливается. Вирус болезни передается яичкам самки, и новорожденный клещ несет ее дальше, заражая всех, чьей крови отведал.

Зимуют кровососы в лесной ветоши и в трещинах почвы. И как только сходят снега, они, голодные, ищут жертву. «Пройдешь по таежной тропе километра два-три и находишь на себе сотню, а то и больше клещей», – рассказывал Евгений Николаевич. Середина весны – наиболее опасное время заражения энцефалитом.

Но весь ли пояс южной части тайги опасен? Оказалось, нет. Болезнь, как установил в своих работах Павловский, носит очаговый характер. Но при этом выяснилось: география очагов – не только Сибирь, но и вся южная кромка таежных лесов от Прибалтики до Тихого океана. (Острая вспышка энцефалита в 1951 году наблюдалась в Словакии. И время от времени в европейской части наших лесов кто-нибудь заболевает энцефалитом.)

Сегодня болезнь изучена. Но из-за вирусного ее происхождения с трудом поддается лечению. Главное – профилактика. Родина клещевого энцефалита – Сибирь. Именно там больше всего очагов болезнетворного вируса. Поэтому, собираясь в тайгу, месяца за два надо

сделать прививку против болезни. Она не гарантирует от заболевания, но предупреждает драматические последствия.

Заразиться энцефалитом можно двумя путями: через молоко, в котором, как и в крови, концентрируются болезнетворные вирусы, и от укуса клещей. Профилактика: молоко кипятить! Что касается клещей, то практика жизни научила кропотливой, но, увы, необходимой борьбе с кровососами. В тайге надо носить одежду, предупреждающую проникновение клещей к телу (всем известные куртки-«энцефалитки»). Но этого мало. Необходимо раз, а то и два раза в день, раздевшись, осматривать тело и все детали одежды – нет ли на них клещей. Так мы с друзьями поступали, навещая староверов Лыковых по весне. Важно заметить, Лыковы, прожившие всю жизнь в тайге, не имеют о болезни понятия, хотя, конечно, клещи их кусали несчетно раз – в месте, где они обитали (юг Красноярского края), как раз находится очаг энцефалита.

Дикие животные тайги, имея в крови вирус болезни, от него не страдают. За долгую эволюцию адаптировались, как адаптировались дикие африканские животные к болезни, переносимой мухой цеце.

При широком взгляде на жизнь можно предположить, что вирус энцефалита играет, как пишут, «роль сторожевого пса» – своих соседей в сложившихся хитросплетениях жизни он лишь тревожит, но несет смерть всему пришлому. И можно еще раз сказать: у природы нет пасынков, все у нее – любимые чада. Клещи и вирусы тоже.

• Фото из архива В. Пескова. 23 июля 1999 г.

Водой не разлить

Окно в природу

Рассмотрим сначала снимок. Почти человеческая картина. Слононок-подросток отлучился из стада и вернулся с приятелем... с бегемотом. Смущен слоненок. Скромно потупившись, стоит (сидит?) молодой бегемот. И взволнованно распустило уши семейство слонов. «Это же надо – бегемота привел!» – как бы выговаривает мамаша. А виновникам ситуации хоть бы что. «Дружим. И вот привел...»

Есть у меня и другие не менее интересные снимки. Зебра дружески задирает молодого слона – дергает его за хвост. Слон, тоже играясь, бьет хоботом зебру по боку, а зебра – снова за хвост.

В природе животные, не связанные жесткой линией хищник – жертва и между которыми нет конкуренции за территорию и еду, мирно соседствуют и даже, случается, привязываются друг к другу: водой не разлить. Речь не идет о явлении симбиоза, когда два вида животных извлекают из сожительства взаимные выгоды, речь об истинной дружбе, в которой два существа обретают общую радость общенья. В дикой природе увидеть это непросто, и снимок, который мы внимательно рассмотрели, – большая удача фотографа из Германии. Куда чаще мы встречаем проявления межвидовой дружбы в условиях несвободы, когда обстоятельства заставляют сближаться с кем-то оказавшимся рядом. И тут закон «гусь свинье не товарищ» не всегда действует.

Не ждали...

Рассмотрим еще одну фотографию. Поросята выглядят обожателями молодой кошки. Чем-то она им понравилась, всем понравилась. И кошка это хорошо чувствует, не убегает.

Такое часто происходит с молодняком, помещенным людьми в небольшое жизненное пространство. Малыши исследуют мир. Их симпатии проявляются самым неожиданным образом. В Московском зоопарке когда-то была площадка молодняка, и на ней резвились в одной компании медвежонок, лисята, волчонок, кабанчик и поросенок. Есть фотография, сделанная в другом зоопарке: медвежонок лезет за рыбой в подклювный мешок пеликана. А птица терпит бесцеремонность – дружба!

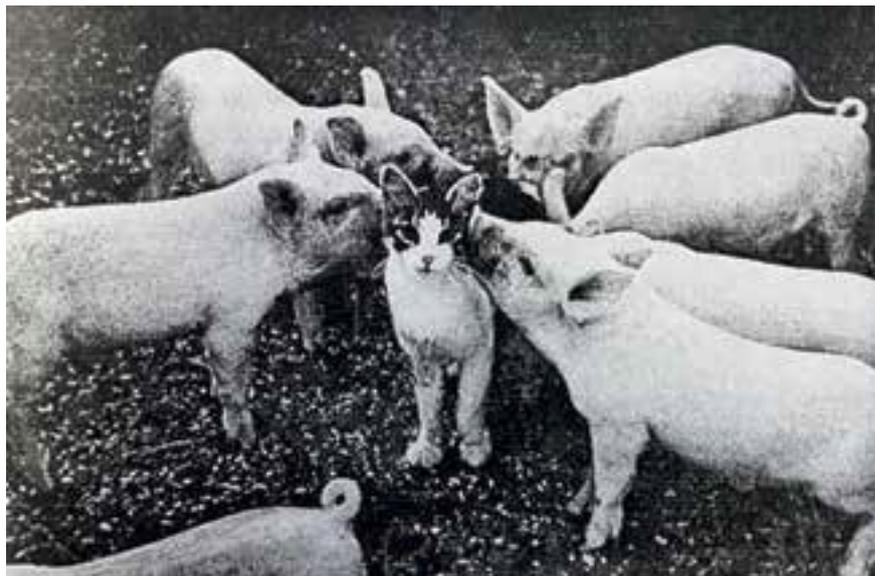
Радость хоть какого-нибудь общения в неволе и взрослых животных заставляет не только терпеть друг друга в одном вольере, но и страдать, если соседа вдруг отселили. В Московском зоопарке многие годы в одной клетке нежно привязанными друг к другу жили лев и кобелек Тобик, а в Калининградском зоопарке я снимал рядышком петуха и лису.

В доме и во дворе часто можно увидеть проявления столь же неожиданной дружбы. Собака и кошка – антагонисты, вражда их вошла в поговорку. Но сколько случаев нежной привязанности этих животных друг к другу! На снимках из моей папки кошки безмятежно спят на спинах собак, либо трутся о ногу пса, или же дружно играют. В одном письме мне сообщают: «Наша кошка носит собаке мышей. Трезор от подарков воротит морду, но кошка все равно носит – знак дружбы!».

Иногда кошки живут взаперти «на этажах» и постепенно утрачивают инстинкты охотников. Но жажда общенья и любопытство у них остаются, и кошки начинают мирно существовать с мышами. На одном из снимков в моем собрании нахальная мышь пьет молоко из блюдечка кошки, а та с любопытством наблюдает за гостьей из норки.

Где там моя рыбка?

Обожатели.

У собак и кошек привязанность иногда бывает так глубока, что, лишившись друг друга (чаще всего это бывает с собаками), животные сильно страдают и от этого могут даже погиб-

нуть. О таком случае рассказывает москвич В. Соловьев: «В необыкновенной дружбе у нас жили кот и собака породы колли. Однажды кота серьезно обидели, и он с месяц на людей дулся, общаясь дружески только с собакой. Потом я нечаянно опрокинул стакан горячего чая на Кешу, с которым мы помирились. Несколько дней кот мучился от ожога, тщательно меня избегая. А однажды шмыгнул в открытую дверь и исчез. Ну, исчез и исчез – погоревали, даже поплакали и начали забывать. Но не забыла друга своего Эста. Однажды на прогулке она рванулась к мусорному ящику – увидела Кешу. Невозможно без волнения вспоминать, с какой нежностью собака и кот друг друга облизывали. Я попытался Кешу поймать, но он исчез, как только я сделал шаг.

После этого поведение собаки переменялось. Всегда энергичная, подвижная и отзывчивая на ласку, она стала вялой и как бы не видела нас. Уютное свое место в комнате Эста покинула и не двигаясь лежала около входной двери. Отказывалась от еды. И однажды утром мы нашли ее мертвой...»

Расскажу в заключение случай особенный. В Болгарии, в местечке Лонгос близ Варны, егерь на острове подкараулил волчицу. Среди осиротевших волчат в логове оказался малыш кабанчик. Добычу егерь принес домой, и двух особо привязанных друг к другу волчонка и кабаненка оставили жить. Они стали ручными – свободно ходили во дворе и, конечно, пожелали однажды узнать: а что там за жизнь за оградой? Первым в виноградник сходил кабанчик, за ним и более осторожный волчонок. Вдвоем приятели стали путешествовать по округе, а ночевать возвращались во двор. Но однажды они не вернулись. И стали приходить вести: волчонка и кабана видели в чаще недалекого леса.

А через некоторое время сам егерь наткнулся на беглецов – собаки подняли их из общего логова. Конечно, у охотника не поднялась рука выстрелить... Что ожидало на воле двух этих зверей? Благополучной судьба их могла быть только до встречи с волками. Для вольных хищников этот странный союз непонятен, причем погибнуть от зубов стаи могли и кабанчик, и странный сородич волков, потерявший навыки волчьей жизни.

Вот такие пути у дружбы.

• Фото из архива В. Пескова. 30 июля 1999 г.

Они еще держатся

Окно в природу

Они держатся, то есть не исчезли с лица земли, только потому, что в последний момент люди предприняли энергичные, часто очень дорогие усилия, чтобы их спасти. Недавно мы рассказывали о судьбе американских белых журавлей, на которых уже поставили крест, но неожиданно в 1938 году обнаружили четырнадцать птиц. Вся Америка, не жалея ни средств, ни усилий, довела число журавлей почти до трех сотен. Это большая символическая победа, классический случай и опыт «не дать свече угаснуть на ветру жизни». И вот еще несколько таких случаев.

Сокол сапсан.

Доживал на западе США калифорнийский кондор. Птица древняя. Эволюция, по-видимому, предписала кондору близкий конец. А тут еще золотая калифорнийская лихорадка прошлого века. Птиц стреляли потому, что трубочки маховых перьев кондора вмещали определенное количество золотого песка – не надо было ни мерить, ни взвешивать. Да и просто стрельнуть по мрачноватому падальщику было приятно. К началу этого века число кондоров снизилось до двухсот. Свеча догорала – кондоры поздно становятся половозрелыми и выводят раз в два-три года одного птенца. Как помочь птице? Попытки метить их кольцеванием кончились неудачей – один из птенцов от разрыва сердца умер в гнезде.

К 1982 году число птиц приблизилось к роковой черте – их насчитали всего двадцать две. Решено было кондоров отловить и попытаться стимулировать размножение их в неволе, благо технология эта была уже отработана на других птицах. В природе оставили только трех, но 19 апреля 1987 года их тоже поймали. (Все оказались самцами – ожидание приплода было бы тщетным.)

Между тем в вольерах кондоры начали размножаться. Я добыл снимок первенца, рожденного и выращенного в неволе. Вот он перед вами – неуклюжий, хохлатый старожил планеты Земля. Одиноким был он недолго. В неволе кондоров побуждали класть в гнезда больше яиц, чем в природе, и в инкубаторе выводили птенцов.

Пять лет в дикой природе кондоры не летали – не было ни одного! В 1992 году выпустили из питомника первых птиц. К 1998 году на свободе их стало уже полсотни. Они пока еще не гнездятся. Орнитологи объясняют это поздним их созреванием. К 2001 году численность кондоров предполагают довести до сотни и дать им возможность «самим возрождаться». Территория, где они держатся, тщательно охраняется – ни самолетов, ни строительства, ни туристов. Время покажет, насколько успешными окажутся благоприятные усилия энтузиастов охраны природы.

Еще история. Тоже американская. История со счастливым концом.

В 60-х годах было замечено: повсюду исчезает сокол сапсан. Совсем исчез он в восточных штатах, но и в западных насчитали чуть более сотни пар. В отличие от древних кондоров это был молодой процветающий вид животных, почти мгновенно «залетевший» на самые тревожные страницы Красной книги. В чем дело? Исследования показали: соколы (так же как белоголовые орланы – эмблема США) не приносили потомства – истонченная скорлупа яиц разрушалась под птицей-наседкой.

Подозрение пало на ДДТ – химикат, повсюду применявшийся в сельском хозяйстве. Но виновность зловредного порошка надо было еще доказать. В 1972 году, путешествуя по Соединенным Штатам, мы посетили исследовательский центр в Патуксенте под Вашингтоном, где на множестве птиц проверяли действие ДДТ. И было доказано: виновен! Химикат нарушал в организме пернатых кальциевый обмен, яйца от этого были хрупкими, с тонкою скорлупой.

ДДТ в 1973 году в США запретили. Но как возродить птиц? К проблеме подошли с размахом и основательностью. Был создан фонд с практически неограниченным финансированием. В штате Айдахо был спешно построен питомник. Методика восстановления соколов стала классической и характерной для ситуации, когда человек, разрушив природу, потом по крохам пытается восстановить утерянное.

Зимой 1986 года в штате Колорадо я встретил орнитолога – активного участника программы спасения соколов. С помощниками-студентами Джерри Крейг находил в Скалистых горах редкие гнезда сапсанов и, забрав из них хрупкие яйца, оставлял в утешение птицам три-четыре яйца из пластмассы, очень похожих на настоящие. И сапсаны продолжали на них сидеть. Тем временем Джерри и студенты-зоологи со всеми предосторожностями самолетом отправляли «живые» яйца в инкубатор в Айдахо (сюда яйца сапсанов доставляли из многих районов Америки). Вылупившихся пуховичков кормили с пинцета или отдавали на попечение взрослым птицам, живущим в неволе. Через тридцать пять дней возмужавших птенцов, опять же скорым путем, отправляли к родительским гнездам. «Самки по-прежнему плотно сидели на пластмассовых яйцах, приходилось буквально их сталкивать и подсовывать им под крылья птенцов. В этот день мы их не кормили, и они начинали просить еду. Родители, не заметив превращения яиц в почти уже взрослых птенцов, принимались прилежно кормить потомство. Через неделю уже готовые к самостоятельной жизни птицы покидали гнездо и охотились самостоятельно. Мы, конечно, их кольцевали и таким образом знаем, как скоро и какими путями доберутся они в Мексику на зимовку».

Джерри с помощниками выпустил в природу пятьсот соколов. Всего за время двадцатипятилетнего существования питомника выпущено более пяти тысяч птиц. И поскольку среда обитания их оздоровилась, сапсаны гнездятся сейчас снова по всей территории США, в том числе в городах на небоскребах, питаются скворцами и голубями. В 1998 году в стране насчитали 1650 гнездящихся пар. Это позволило вычеркнуть сапсана из Красной книги США.

Признано: вид вне опасности. Великолепный пример ответственного, грамотного подхода к проблеме: взялись – сделали.

Птенец калифорнийского кондора.

Во всех случаях, когда среда обитания животных не разрушена, а численность зверей или птиц катастрофически снижена перепромыслом или же браконьерством, уберечь или спасти животных относительно просто, достаточно лишь наладить надежную их охрану. Так в Советском Союзе были спасены соболь, сайгаки, бобры, лоси в европейской части России.

Куда сложнее «не дать угаснуть свече» там, где среда обитания уже не служит надежным прибежищем для животных. Пример всем известный: распашка степей. Все, кто обитал когда-то на поросшей дикими травами целине (стрепеты, дрофы, сурки), уже с трудом находят спасительные островки жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.